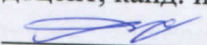

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Факультет исторических и политических наук
Кафедра истории древнего мира, средних веков и методологии истории

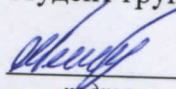
ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК
Руководитель ООП
доцент, канд. ист. наук,
 Ж.А. Рожнёва
« 13 » 06 20 19 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА
АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ (1985-1988): ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ И
ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ

по основной образовательной программе подготовки бакалавров
направление подготовки 46.03.01 – История

Герасимов Максим Вячеславович

Руководитель ВКР
д-р. ист. наук, доцент

подпись Д.Н. Шевелёв
« 7 » июля 20 19 г.

Автор работы
студент группы № 031503

подпись М.В. Герасимов

АННОТАЦИЯ

Объект исследования – антиалкогольная политика советского руководства в годы перестройки (1985–1988 гг.).

Предмет исследования – условия жизни и повседневные практики городского населения в контексте кампании по борьбе с пьянством и алкоголизмом.

Цель исследования – выявить характер изменений социокультурной среды и повседневных практик городского населения под воздействием антиалкогольной кампании советского руководства в годы перестройки. Реализация данной цели предполагает решение следующих задач:

– выявить масштабы распространения пьянства и алкоголизма в доперестроечный период, характер и последствия их влияния на социальное и экономическое развитие позднесоветского общества;

– определить и охарактеризовать особенности разработки и реализации государственной антиалкогольной политики в годы перестройки;

– выявить особенности изменения повседневных практик городского населения в годы антиалкогольной кампании.

Хронологические рамки – 1985–1988 гг. Нижней временной границей антиалкогольной кампании традиционно считается принятие постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» от 7 мая 1985 года и Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством» от 16 мая 1985 года. Верхняя граница ограничена окончательным прекращением борьбы с производством и потреблением спиртного в 1988 году, когда была прекращена активная трезвенническая пропаганда, а продажи спиртных напитков начинали возвращаться к доперестроечному уровню.

Территориальные рамки исследования охватывают Томск и его близлежащие районы. В сравнении с другими сибирскими регионами, осуществление борьбы с пьянством в рамках Томского региона происходило в наиболее динамичном темпе, что во многом определялось политическим влиянием ключевого проводника антиалкогольного проекта и бывшего партийного руководителя Томской области Е.К. Лигачёва. Соответственно, выбранные рамки позволяют произвести наглядный анализ изменения культурных практик населения и повседневного уклада сибирского города. Также в работе имеются эпизодические обращения к материалам других регионов страны.

Структура работы состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложения.

Первая глава посвящена общей характеристике проблемы пьянства в годы позднего СССР, её причин и последствий, способствовавшие формированию беспрецедентного по своим масштабам антиалкогольного проекта новым политическим руководством страны сразу же после прихода к власти в апреле-мае 1985 года. В первом разделе первой главы феномен потребления спиртного анализируется через призму имеющихся историко-антропологических исследований позднего социализма, фиксируются ключевые функции питейных практик в позднесоветской повседневности, характеризуются антиалкогольные инициативы советского руководства до прихода к власти М.С. Горбачёва. Второй раздел посвящён характеристике социальных и демографических последствий роста потребления алкоголя. В третьем разделе анализируются политические предпосылки инициирования антиалкогольной кампании, выявляются её идеологические ориентиры в контексте особенностей первого периода перестройки.

Во второй главе рассматриваются изменения повседневного городского уклада и практик жителей г. Томска. Первый раздел посвящен описанию нарушения процесса повторяемости повседневных действий и вмешательством властных механизмов в жизненные планы отдельных граждан под воздействием антиалкогольных мер в городском пространстве. Во втором разделе анализируются такие приёмы и методы, при помощи которых обыватели адаптировались к новым правилам продажи и потребления спиртного, и старались извлекать из этого собственные выгоды. В третьем разделе освещаются особенности построения дискурса городских жителей об антиалкогольной кампании.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	2
Глава 1 Проблема пьянства в годы позднего СССР и предпосылки антиалкогольной кампании	14
1.1 Практики потребления спиртных напитков и формы борьбы с пьянством и алкоголизмом в обществе позднего социализма	14
1.2 Социально-демографические последствия позднесоветского пьянства.....	27
1.3 Разработка и принятие антиалкогольной стратегии: политические предпосылки и идеологические ориентиры.....	32
Глава 2 Борьба с пьянством и алкоголизмом в Томске в контексте истории повседневности	39
2.1 Государственная антиалкогольная политика и повседневная жизнь г. Томска	39
2.2 Формы и практики адаптации городских обывателей.....	53
2.3 Антиалкогольная политика в дискурсах повседневности рядовых жителей сибирского города.....	62
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	69
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	72
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	79

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. На сегодняшний день значительно возрастает исследовательский интерес к изучению масштабных и структурных изменений советской политической и идеологической системы, осуществлённые после прихода к власти в 1985 г. нового советского руководства во главе с М.С. Горбачёвым. В то же время, несмотря на широкое обилие научной и публицистической литературы, посвященной последнему этапу существования СССР, в отечественной и зарубежной историографии относительно немного исследований, комплексно реконструирующих специфику проявления трансформаций советской системы в контексте социальной истории и истории повседневности. Данный факт становится более примечательным в силу того, что одним из наиболее ярких проявлений социальной политики в 1980-е годы являлась беспрецедентная попытка искоренения пьянства и алкоголизма, осуществлённая новым советским руководством сразу после прихода к власти весной 1985 года.

Несмотря на очевидный демографический, медицинский и социальный урон, вызванный потреблением спиртного, питейные практики и формы борьбы с пьянством являлись достаточно устойчивым явлением в позднесоветской реальности. Социально-культурное значение алкоголя заключалось в том, что оно являлось значимым элементом обрядности, сопровождающей переходы между различными формами жизни, а умеренное пьянство не мешало вести законопослушный и адекватный культурным традициям образ жизни. Соответственно, абсолютно трезвеннический образ жизни мог считаться аномальным явлением советской жизни¹. Кодовое содержание спиртного способствовало тому, что советские идеологические структуры часто прибегали к манипуляциям в отношении населения к выпивке. Вместе с этим, властные органы, как правило, были заинтересованы в производстве и продаже алкоголя, который выступал значительным источником пополнения государственного бюджета в контексте существовавшей государственной питейной монополии. В связи с этим, реконструкция восприятия антиалкогольной кампании рядовыми советскими гражданами представляется весьма актуальной.

Во-первых, рассмотрение изменений, которые претерпели повседневные практики обывателя под воздействием этой кампании, способствует более глубокому пониманию взаимоотношений советского человека с властными структурами в годы ранней перестройки.

¹ Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 325.

Во-вторых, анализ разработки антиалкогольной стратегии советского руководства может создать условия для более целостного понимания характера первых политических мероприятий политики перестройки.

Наконец, рассмотрение антиалкогольной стратегии советского руководства и её проявления в изменении жизненных практик рядового советского человека позволит лучше понять особенности культурной роли потребления спиртного в позднесоветском обществе.

Степень изученности темы. Проблеме советского пьянства и различных форм борьбы с алкоголизмом посвящено достаточное количество работ отечественных и зарубежных историков, социологов и демографов, в которых довольно обстоятельно изучены различные аспекты данной проблематики. В то же время стоит отметить, что такие вопросы как значение спиртных напитков в отечественном бытовом пространстве и восприятие антиалкогольных кампаний рядовыми советскими гражданами ещё недостаточно исследованы в отечественной и зарубежной историографии.

Освоение данной темы, с одной стороны, происходило в контексте изучения отечественного алкогольного производства и потребления, обобщающих работ по политической истории перестройки, а также при помощи социо-демографических и медицинских исследований. Работы И.В. Такалы², В.В. Похлебкина³, И.В. Курукина и Е.А. Никулиной⁴ представляют собой фактологическое описание истории отечественных питейных традиций и государственной алкогольной политики. В рамках подобных исследований довольно подробно проанализированы такие аспекты советской алкогольной проблемы и антиалкогольных кампаний как уровень производства и потребления спиртного в годы позднего СССР и перестройки, специфика административно-командных мер антиалкогольной политики, потребительские пристрастия незаурядных личностей и отражение культурных питейных практик в фольклорной советской традиции. В статье саратовского антрополога Г.В. Карповой анализируются механизмы системы государственного контроля и управления в алкогольной политике, а также практики населения, возникающие в ответ на принятие государственных решений. Помимо этого, автором была осуществлена попытка анализа художественных произведений, в частности, советского кино, репрезентирующих нормированные или осуждаемые культурные практики потребления спиртного⁵.

² Такала И.В. Веселие Руси: история алкогольной проблемы в России. СПб., 2002. 335 с.;

³ Похлебкин В.В. История водки. М., 2005. С. 119-125.

⁴ Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007. 406 с.; Они же. «Государево кабацкое дело»: очерки питейной политики и традиций в России. М., 2005. 384 с.

⁵ Карпова Г.В. «Выпьём за Родину!». Питейные практики и государственный контроль в СССР // Советская социальная политика, сцены и действующие лица, 1940 – 1985. М., 2008. С. 337-357.

Исследования политической истории позднего социализма рассматривают алкогольную проблему в контексте общего экономического и демографического кризиса, справедливо замечая, что такие сопутствующие эффекты распространившегося пьянства как рост преступности, низкая производительность труда, падение рождаемости способствовали внесению необходимых изменений алкогольной политики после прихода к власти нового советского руководства в 1985 году. В этой связи, антиалкогольная кампания до недавнего времени изучалась, как правило, в контексте других событий перестройки. В работах А.Б. Безбородова, Н.В. Елисейевой, В.А. Шестакова⁶, Р. А. Медведева⁷ отмечается, что основным методом кампании стало административное давление, а кампания по борьбе с пьянством дискредитировала саму идею ускорения и была худшим началом для перестроечных реформ. Один из ведущих западных советологов С. Коткин отмечал, что инициация первых социально-политических мероприятий перестройки были связаны с желанием М.С. Горбачёва обеспечить «поддержку» будущим масштабным преобразованиям политической и экономической системы и предупредить возможное пассивное сопротивление им в ЦК, центральных министерствах, союзных республиках и регионах⁸. Р.Г. Пихоя⁹, В.В. Согрин¹⁰, Н. Елисеева¹¹, Р.Г. Кирсанов¹² обращали внимание на бюджетные потери государства в результате антиалкогольной кампании, приводившие к скрытому повышению цен и эмиссии, причём подсчёты разных авторов существенно различаются.

Более подробно тематика антиалкогольной кампании рассматривается в отечественных и зарубежных демографических исследованиях, анализирующих проблему влияния пьянства на рост российской смертности, рождаемости и различных заболеваний. Так, в данных работах подчёркивается, что антиалкогольная кампания стала важным фактором сокращения смертности в краткосрочный период, и, вместе с этим, на основе широкого пласта статистических материалов, ряд авторов отмечают, что 40-процентный рост смертности в постсоветской России происходил главным образом в силу факторов, связанных с последствиями антиалкогольной кампании¹³.

⁶ Безбородов А., Елисеева Н., Шестаков В. Перестройка и крах СССР. 1985-1993. СПб., 2011. С. 63.

⁷ Медведев Р. Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи. М., 2010. С. 20-21.

⁸ Коткин С. Предотвращённый Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970-2000. М., 2018. С. 66.

⁹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. Новосибирск, 2000. С. 411-416.

¹⁰ Согрин В.В. 1985–1995: реалии и утопии новой России // Отечественная история. 1995. № 2. С. 6-8.

¹¹ Елисеева Н. Советское прошлое: начало переоценки // Отечественная история. 2001. № 2. С. 94-95.

¹² Кирсанов Р.Г. Антиалкогольная кампания периода перестройки: «новое мышление» и старые методы [Электронный ресурс] // Вестник Российской нации. 2015. № 6. С. 102-111. URL: http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/026/687/original/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D0%A0%D0%9D_6_2015.pdf?1450163461 (дата обращения 29.04.2019).

¹³ См. напр.: Немцов А.В. Потребление алкоголя и смертность в России // Социологические исследования. 1997. № 9. С. 113-116.; Он же. Алкогольная смертность в России, 1980-90-е годы. М., 2001. 56 с.; Bhattacharya J, Gathmann C., Miller G. The Gorbachev Anti-Alcohol Campaign and Russia's Mortality Crisis [Electronic Resource] // American Economic Journal: Applied Economics. 2013. № 2. P. 232-260. URL:

Иной взгляд позднесоветской алкогольной проблемы в рамках социологических теорий девиантности был предложен некоторыми отечественными социальными историками. В частности, в работах петербургского исследователя советской повседневности Н.Б. Лебиной рассматривается опыт изменения форм потребления спиртного и государственных попыток борьбы с ним при помощи дихотомии «норма-аномалия»¹⁴. Ряд авторов, не связывая напрямую свои утверждения с девиантологическими теориями, фактически воспроизводят мысль об аномичном характере позднесоветского общества, обостривший тягу населения к потреблению спиртного. Так, А.В. Шубин обратил внимание на желание нового советского руководства в апреле 1985 года продемонстрировать разрыв с «аморальным» прошлым предыдущих лет, отмечая при этом, что реальными причинами повседневного пьянства являлся социально-психологический кризис общества позднего СССР, связанный, в частности, с монотонным образом жизни и отсутствием развитой системы развлечений, образования и т.д.¹⁵. Аналогичную мысль высказал В.Э. Багдасарян, по мнению которого, неудача антиалкогольной кампании объясняется тем, что пьянство было только следствием системного надлома СССР, когда прежние нормы и ценности не соответствовали существующим отношениям, что было ключевым фактором роста потребления спиртных напитков в позднесоветской реальности¹⁶.

Среди региональных исследователей, анализировавших вопросы производства и потребления алкогольной продукции на примере регионов Западной Сибири также прослеживается мысль о том, что позднесоветский опыт пьянства был неминуемо связан с системным общественным кризисом¹⁷. Проведению антиалкогольной кампании в Томском регионе посвящены статьи П.Л. Нестеренко и А.Д. Болдышева, ключевым достоинством которых является привлечение неопубликованных ранее региональных архивных материалов и периодической печати, что позволило авторам осуществить довольно подробную реконструкцию динамики проведения антиалкогольных мер местным партийным руководством, участия в них медицинских и научных деятелей¹⁸. Одной из немногих работ, в

<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3818525/> (Access Date: 24.03.19); Mc Kee M. Alcohol in Russia // Alcohol and Alcoholism, 1999. № 6. P. 824-829.

¹⁴ Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля. Ленинград, 1950-1960-е годы. СПб., 2015. С. 109-149.

¹⁵ Шубин А.В. От застоя к реформам. СССР в 1977-1985 гг. М., 2000. С. 636.

¹⁶ Багдасарян В.Э. Трезвость – норма перестройки // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории. От «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2007. С. 310-352.

¹⁷ См. напр.: Дорошенко А.В. Борьба с пьянством в СССР в 1970-х гг. – первой половине 1980-х гг. (на материалах Западной Сибири): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Омск, 2016. С. 10.

¹⁸ Нестеренко П.Л. Основные направления, ход и первые итоги антиалкогольной кампании в Томске и Томской области (1985 г.) // Вестник ТГПУ. 2014. №3 (144). С. 44-52.; Он же. Борьба с пьянством и алкоголизмом в Томске (1985-1988 гг.): успехи и неудачи // Вестник ТГПУ. 2015. №2 (155). С. 62-71; Он же. Лечебно-профилактическая и информационно-просветительская работа томских медиков накануне и в начале антиалкогольной кампании 1985 года // Вестник ТГПУ. 2016. №5 (170). С. 175-182.; Болдышев А.Д. Комсомол

которой содержатся сведения о социально-экономическом развитии Томска в период позднего СССР, является выпущенный к 50-летию Томской области под редакцией В.П. Зиновьева комплексный труд «Томская область. Исторический очерк», представляющий собой подробное фактологическое описание истории региона¹⁹.

Для более осмысленного понимания природы позднесоветского общества, имеет смысл обратиться к ряду исследований, анализирующих особенности функционирования официальных, идеологических дискурсивных стратегий. В одном из концептуальных выводов известной работы А. Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение» раскрывается парадокс позднесоветской системы: чем точнее повсюду воспроизводились формы советского авторитетного дискурса, тем большие изменения переживала сама система, что было связано с особенными отношениями советского субъекта с системой, построенных на принципе вневходимости²⁰. В контексте настоящей работы ключевые понятия модели Юрчака, краткая характеристика которым будет дана в последующих разделах, важны в силу нескольких факторов. Например, использование понятия вневходимости советского субъекта проливает свет на многогранный и неоднозначный характер его повседневного существования, что, в свою очередь, значительно дополняет девиантологические объяснения позднесоветского пьянства.

В исследовании К.Б. Уль демонстрируются особенности построения определённой хронологической системы координат в рамках постсталинской идеологии, в связи с чем, по мнению автора, официальный дискурс поставил задачу построения такого нарратива, в котором бы соединялись революционные достижения прошлого и программа коммунистического будущего²¹. Подобная стратегия, во многом, была создана с целью обеспечения оттепельного поколения мотивационными посылами построения светлого будущего. В этой связи также важно выделить работу фольклориста К.А. Богданова, в которой автор анализирует феномен советской очереди с точки зрения её социальной и ритуальной составляющей и обнаруживает, что представления об этом явлении могли определяться не только бытовыми переживаниями, но и советскими идеологическими аналогиями с их ориентацией на достижение светлого будущего²².

Работа П.Л. Вайля и А.А. Гениса «60-е: Мир советского человека» является примером культурологического осмысления постсталинской эпохи, где показано ключевое значение

Томского инженерно-строительного института и антиалкогольная кампания 1985-1987 годов // Вестник ТГПУ. 2014. №3 (144). С. 38-43.

¹⁹ Томская область: Исторический очерк / Отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск, 1994. С. 505-615.

²⁰ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2017. 664 с.

²¹ Уль К.Б. Поколение между «Героическим прошлым» и «Светлым будущим»: роль молодежи во время «Оттепели» // Антропологический форум. 2011. №15. С. 279-326.

²² Богданов К. А. Советская очередь: социология и фольклор // Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001. С. 378-426.

литературных жанров для повседневной жизни советского человека, в том числе для изменения и распространения культуры потребления спиртного, во многом определявшееся через призму литературных приёмов и подражания героям известных романов²³.

Н. Рис анализирует речевые повседневные практики, определявшие культурный фон эпохи перестройки и за которыми стоят как навыки добывания товаров в условиях острого дефицита, так и представления о нравственных нормах²⁴. Потребление спиртного, по мнению автора, как поведенческий феномен давало огромные возможности для иронического сопротивления практической дисциплине в семье, работе, а разговоры о пьянстве могли выступать в качестве нарративного средства оформления мужских образов саморепрезентации.

Работа медицинского антрополога Ю. Райхела «Управление привычками: лечение алкоголизма в постсоветской клинике» представляет собой масштабное исследование постсоветской наркологии как особенной области знания, практических компетенций и применения медицинских технологий²⁵. Помимо тем, непосредственно связанных с наркологией, в книге подробно описывается феномен советской и постсоветской неформальной экономики, основанной на личных связях и «блате». По справедливому замечанию Райхела, исследования советской теневой экономики игнорируют центральную роль, которую играли и до сих пор играют спиртные напитки для поддержания этой системы. В свою очередь, для понимания специфических и противоречивых аспектов природы потребления позднесоветского субъекта, особенностей функционирования советской неформальной экономики весьма значимыми представляются исследования А. Ивановой²⁶, П. Романова и М. Суворовой²⁷.

Таким образом, можно заметить растущий рост исследований позднего СССР, в которых детальным образом реконструируются политические, экономические, внешнеполитические аспекты данной темы. Вместе с этим, на сегодняшний день только начинается изучение того, каким образом трансформации советской системы проявлялись с учётом повседневного опыта рядовых советских людей.

Объект исследования – антиалкогольная политика советского руководства в годы перестройки (1985–1988 гг.).

²³ Вайль П., Генис А.. 60-е. Мир советского человека. М., 1998. 368 с.

²⁴ Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М., 2005. 368 с.

²⁵ Raikhel E. Governing habits: treating alcoholism in the post-Soviet clinic. New York, 2016. 246 p.

²⁶ Иванова А. Магазины «Берёзка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М., 2017. 304 с.

²⁷ Романов П., Суворова М. «Чистая фарца»: социальный опыт взаимодействия советского государства и спекулянтов // Неформальная экономика в постсоветском пространстве: проблемы исследования и регулирования. СПб., 2003. С. 148-164.

Предмет исследования – условия жизни и повседневные практики городского населения в контексте кампании по борьбе с пьянством и алкоголизмом.

Цель исследования – выявить характер изменений социокультурной среды и повседневных практик городского населения под воздействием антиалкогольной кампании советского руководства в годы перестройки. Реализация данной цели предполагает решение следующих задач:

– выявить масштабы распространения пьянства и алкоголизма в доперестроечный период, характер и последствия их влияния на социальное и экономическое развитие позднесоветского общества;

– определить и охарактеризовать особенности разработки и реализации государственной антиалкогольной политики в годы перестройки;

– выявить особенности изменения повседневных практик городского населения в годы антиалкогольной кампании.

Хронологические рамки – 1985–1988 гг. Нижней временной границей антиалкогольной кампании традиционно считается принятие постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» от 7 мая 1985 года и Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством» от 16 мая 1985 года. Верхняя граница ограничена окончательным прекращением борьбы с производством и потреблением спиртного в 1988 году, когда была прекращена активная трезвенническая пропаганда, а продажи спиртных напитков начинали возвращаться к доперестроечному уровню.

Территориальные рамки исследования охватывают Томск и его близлежащие районы. В сравнении с другими сибирскими регионами, осуществление борьбы с пьянством в рамках Томского региона происходило в наиболее динамичном темпе, что во многом определялось политическим влиянием ключевого проводника антиалкогольного проекта и бывшего партийного руководителя Томской области Е.К. Лигачёва. Соответственно, выбранные рамки позволяют произвести наглядный анализ изменения культурных практик населения и повседневного уклада сибирского города. Также в работе имеются эпизодические обращения к материалам других регионов страны.

Методологическая база исследования. В основе исследования лежит соблюдение принципа историзма, в соответствии с которым, феномен пьянства и попыток антиалкогольных кампаний рассматривается с учётом особенностей контекста позднесоветского времени. Алкогольный вопрос в позднесоветскую эпоху менялся и корректировался под воздействием финансовых интересов и идеологических стратегий государства.

Для анализа изменения повседневных практик городского населения представляется значимым использование теоретико-методологических подходов, разработанных в рамках истории повседневности, прежде всего в её немецком варианте, предложенном группой социальных историков во главе с Альфом Людтке. Ключевой программной установкой этого направления является смещение ракурса исследовательского наблюдения, при котором предоставляется возможность заговорить рядовым, незаметным, заурядным для своего времени и социального слоя индивидам, имевшим в традиционной историографии статус безмолвствующих субъектов. Соответственно, при попытке изучения будничного опыта и поведения, трансформационные процессы понимаются в контексте действия конкретных групп и субъектов, а на передний план исследования выдвигаются их социальные и повседневные практики²⁸. Ключевым исследовательским ориентиром здесь представляется анализ определённых контекстов, при которых социальные ограничения воспринимались субъектом в качестве средств присваивания и перетолковывания элементов его окружающего мира.

В контексте рассматриваемого периода важно помнить, что позднесоветский субъект активно наполнял собственную реальность творческими и не продиктованными властью смыслами, делая это как в полном соответствии с провозглашенными государственными установками, так и вопреки им, а порой и в форме, которую невозможно описать бинарными схемами²⁹. В этой связи важнейшие аспекты истории повседневности сближаются с концепцией практик французского философа Мишеля де Серто, описавший повседневные действия заурядных субъектов не как пассивное принятие и следование правилам, определённых властными механизмами, а как набор активных творческих практик, следующих собственной логике³⁰.

Исходя из этого, основной проблемой настоящей работы является определение специфики изменения повседневных практик городского населения в ходе осуществления кампании по борьбе с пьянством и алкоголизмом в годы перестройки. Под повседневной практикой в работе будет пониматься определённая форма будничного действия, посредством которого люди, определённые подчинённым статусом³¹, осваиваются с условиями своей жизни и воспринимают существующие социальные ограничения³².

²⁸ Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 83.

²⁹ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2017. С. 45.

³⁰ Серто Мишель де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб., 2013. С. 113.

³¹ Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008. С. 194.

³² Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 58.

Теоретическая основа и модель исследования обусловили выбор частных методов анализа исторического материала: историко-сравнительного и историко-генетического методов.

Источниковая база исследования, сформировалась в процессе изучения круга как опубликованных, так и неопубликованных документов и материалов, призванных решить поставленные задачи. В зависимости от происхождения, характера и особенностей информации весь комплекс использованных при написании выпускной квалификационной работы источников можно разделить на несколько групп.

Законодательные акты. Данную группу составляют ключевые антиалкогольные постановления советского руководства в годы позднего СССР («Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле спиртными напитками» от декабря 1958 г.; «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» 1972 г.; постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» от 7 мая 1985 года и Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством» от 16 мая 1985 года), а также неопубликованное постановление Томского горкома КПСС от 25 сентября 1986 г. «О работе партийных организаций города по выполнению постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма», обнаруженное в фонде Центра документации новейшей истории Томской области (Ф. 80. – Томский горком). Источники данной группы позволяют выявить динамику изменения антиалкогольной политики советского руководства, определить спектр административно-правовых, дисциплинарных и пропагандистских механизмов осуществления антиалкогольных мер в годы перестройки, а также охарактеризовать правовое поле, в рамках которого должны были соблюдаться новые правила покупки и потребления алкогольных напитков.

Делопроизводственная документация и статистические материалы. Общий ход осуществления антиалкогольных мер в Томске и формы поведения городских жителей отразили распоряжения и отчёты о выполнении майских постановлений советского руководства, материалы политдней, посвященных проведению кампании в городе, материалы рассмотрений граждан, их письма и ходатайства в местные органы власти, анонимные записи избирателей на бюллетенях на выборах народных депутатов в 1989 г., хранящиеся в фондах Центра документации новейшей истории Томской области (Ф. 80. - Томский горком; Ф. 607. - Томский обком; Ф. 5217 – Ленинский райком г. Томска; Ф. 5433 – Советский райком г. Томска). Данные документы представляют огромную значимость для настоящего исследования, поскольку передают переживания и бытовые трудности рядового городского жителя, которые он испытывал под воздействием антиалкогольной кампании.

Также в работе используются документы, посвященные разработке антиалкогольной стратегии в среде советского руководства в апреле 1985 г. (Стенограмма Заседания Политбюро ЦК КПСС 4 апреля 1985 г. об антиалкогольной кампании³³), рассекреченные документы американского ЦРУ об антиалкогольной кампании³⁴ и данные о производстве и потреблении спиртных напитков в позднем СССР, взятые из статистических ежегодников, позволяющие охарактеризовать негативные последствия позднесоветского пьянства.

Периодическая печать представлена областной газетой «Красное знамя», периодическим органом томского комсомола «Молодой ленинец», газетой Томского государственного университета «За советскую науку». Эпизодически используются материалы общесоюзного антиалкогольного журнала «Трезвость и культура», столичных изданий «Корпус» и «Труд». Являясь одним из ключевых трансляторов трезвеннической стратегии, местные периодические издания передавали многочисленные заметки, статьи и анонимные пожелания, связанные с недовольством или одобрением проводимых антиалкогольных мер, казусы наказания «провинившихся» потребителей спиртного, что представляет особую ценность в процессе реконструкции восприятия антиалкогольной кампании на повседневном уровне.

Источники личного происхождения. Данная группа включает в себя мемуары ключевых политических деятелей второй половины 1980-х гг.³⁵, ярко демонстрирующие репрезентацию приватного опыта их участия в разработке антиалкогольной стратегии, что даёт представления об особенностях формирования идеологических ориентиров и политических предпосылках принятия беспрецедентной кампании. Другим, не менее важным эго-документом политических деятелей стали дневники одного из видных представителей либерального окружения М.С. Горбачёва, и его помощника по международным делам А.С. Черняева, содержащие уникальные в своём роде сведения о противоборстве различных политических группировок в процессе формирования антиалкогольного проекта³⁶.

Огромную ценность в реконструкции восприятия антиалкогольной стратегии рядовыми гражданами представляют воспоминания научного сотрудника Томского

³³ Стенограмма Заседания Политбюро ЦК КПСС 4 апреля 1985 г. об антиалкогольной кампании [Электронный ресурс] // National Security Archive. [б.д.]. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Perestroika/1985.04.04%20Politburo%20Session%20on%20AntiAlcohol%20Campaign.pdf (дата обращения 14.02.19).

³⁴ Документы ЦРУ из серии «Исторические обзоры» размещены на официальном сайте американского разведывательного ведомства в свободном доступе: Gorbachev's Campaign Against Alcohol. A Research Paper [Электронный ресурс] // CIA.Sov. 1986. URL: <https://www.cia.gov/library/index.html> (дата обращения 11.01.19).

³⁵ Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве. М., 1993. 319 с.; Лигачев Е.К. Загадка Горбачева. Новосибирск, 1992. 303 с.; Он же. Предостережение. М., 1999. 462 с.; Рыжков Н.И. Перестройка: история предательства. М., 1992. 397 с.

³⁶ Черняев А.С. Совместный исход: дневник двух эпох, 1972-1991 годы. 1985 год. М., 2010. С. 29-33.

института автоматизированных систем управления и радиоэлектроники А.Я. Петрова, написанные им в личном блоге³⁷, и демонстрирующие сопряжение индивидуального опыта автора и публичного нарратива городских жителей об антиалкогольной политике.

Материалы устной истории представляют собой воспоминания о повседневной жизни сибирского города в условиях резкого ограничения продажи спиртных напитков, собранные автором в результате двух интервью, представленных в приложении. Устные исторические источники представляют собой индивидуальные представления двух различных по своему социальному статусу городских жителей о трезвеннической кампании, и демонстрирующие, во многом, идентичный опыт переживания известных событий.

Художественные произведения. Особенная роль спиртного в позднесоветской повседневности находит своё яркое отражение в одном из знаковых художественных текстов рассматриваемого периода – романе В.В. Ерофеева «Москва-Петушки»³⁸. В свою очередь, яркая характеристика восприятия антиалкогольных мер в молодёжной среде и производство адаптационных практик представлена в романе известного томского писателя А.В. Филимонова «Из жизни елупней»³⁹.

Структура работы состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложения.

Первая глава посвящена общей характеристике проблемы пьянства в годы позднего СССР, её причин и последствий, способствовавшие формированию беспрецедентного по своим масштабам антиалкогольного проекта новым политическим руководством страны сразу же после прихода к власти в апреле-мае 1985 года. В первом разделе первой главы феномен потребления спиртного анализируется через призму историко-антропологических исследований позднего социализма, фиксируются ключевые функции питейных практик в позднесоветской повседневности, характеризуются антиалкогольные инициативы советского руководства до прихода к власти М.С. Горбачёва. Второй раздел посвящён характеристике социальных и демографических последствий роста потребления алкоголя. В третьем разделе анализируются политические предпосылки инициирования антиалкогольной кампании, выявляются её идеологические ориентиры в контексте особенностей первого периода перестройки.

Во второй главе рассматриваются изменения повседневного городского уклада и практик жителей г. Томска. Первый раздел посвящён описанию нарушения процесса повторяемости повседневных действий и вмешательством властных механизмов в

³⁷ Петров А.Я. Воспоминания об антиалкогольной кампании [Электронный ресурс] // Личный блог автора. Томск, 2013. URL: <http://amator.almysh.com/?p=398> (дата обращения 03.03.19).

³⁸ Ерофеев В.В. Москва – Петушки. СПб., 2017. 192 с.

³⁹ Филимонов А.В. Из жизни елупней. Томск, 2011. 276 с.

жизненные планы отдельных граждан под воздействием антиалкогольных мер в городском пространстве. Во втором разделе анализируются такие приёмы и методы, при помощи которых обыватели адаптировались к новым правилам продажи и потребления спиртного, и старались извлекать из этого собственные выгоды. В третьем разделе освещаются особенности построения дискурса городских жителей об антиалкогольной кампании.

Глава 1 Проблема пьянства в годы позднего СССР и предпосылки антиалкогольной кампании

1.1 Практики потребления спиртных напитков и формы борьбы с пьянством и алкоголизмом в обществе позднего социализма

На протяжении всего периода позднего социализма в государственной политике в области производства и потребления спиртного наблюдалось противоречие между экономическим интересом государства и официальным дискурсом по вопросам потребления спиртных напитков. При режиме государственной питейной монополии изготовление и продажа алкоголя являлись существенными источниками пополнения государственного бюджета. В связи с этим, трудно не согласиться с распространённым мнением о положительном восприятии в позднесоветском обществе образа умеренно пьющего человека. По мнению Н.Б. Лебиной, эти люди «в достаточной мере пополняли государственную казну, время от времени приобретая спиртные напитки, были в своих бытовых практиках адекватны историко-культурным традициям и благодаря умеренности в потреблении спиртного являлись полноценными работниками и законопослушными гражданами»⁴⁰. Соответственно, официальные дискурсивные стратегии были направлены на стабилизацию этой нормы, подразумевавшая поддержание определённой меры в реализации алкогольной продукции и соблюдение морально-ценностных установок социалистической системы. Данный раздел работы будет посвящен описанию особенного значения спиртных напитков в культурно-бытовом пространстве позднего социализма с целью ответа на вопрос о причинах распространения потребления алкогольных напитков и попыток усиления форм социального контроля этого явления в эти годы.

В научно-исследовательской литературе распространено мнение о том, что опыт пьянства в повседневности советского человека был неминуемо связан с проявлением пассивного отторжения по отношению к окружающей реальности. В основе данной точки зрения лежит мысль о том, что глубокие политические и экономические преобразования нарушают сплоченность социальных групп, а также взаимосвязь между ожиданиями и возможностями, создавая не только стресс, но и чувство аномии. Подобная исследовательская позиция во многом связана с популярностью в отечественной историографии известных девиантологических теорий. В рамках этих моделей, феномен

⁴⁰ Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 325.

пьянства и алкоголизма получает усиленное культурное значение в контексте аномического состояния общества. По мнению выдающегося американского социолога Р.К. Мэртон, состояние аномии означает определённую социальную обстановку, при которой наблюдается несогласованность между заданными культурными устремлениями и «социально организованными средствами их удовлетворения, когда система культурных ценностей превозносит фактически превыше всего определенные символы успеха, общие для населения в целом, в то время как социальная структура общества жестко ограничивает или полностью устраняет доступ к апробированным средствам овладения этими символами для большей части того же населения»⁴¹. Другими словами, когда советский субъект не мог достигать определённые цели, санкционированные государством способами, он искал формы ухода от действительности, наиболее доступными из которых, благодаря той же государственной политике, были различные формы пьянства и алкоголизма.

Девиантологические модели объяснения различных социальных феноменов нередко используются в контексте исследований, косвенно затрагивающих проблему советского пьянства. По мнению В.Э. Багдасаряна, неудача антиалкогольной кампании объясняется тем, что пьянство было только следствием системного надлома СССР, когда «в образовавшемся моральном вакууме четкой регуляции поведения граждан уже не существовало. Прежние нормы и ценности не соответствовали существующим отношениям, а новые отношения еще не сложились. В такой ситуации, при потере человеком мировоззренческих координат, он и находит психологическую отдушину в алкоголе»⁴².

В.В. Похлебкин в своей известной работе, посвящённой истории водочного производства, определил ряд факторов, вызывавшие потребность в алкоголе у рабочих послевоенного времени. По мнению автора, помимо способности алкоголя быстро снимать моральный и физический стресс, спиртные напитки, в силу своей высокой калорийности способны выступать в роли определённого пищевого суррогата, а также средства забвения неустроенного человека в контексте позднесоветского времени⁴³.

Соответственно, в различных историографических практиках зачастую воспроизводится мысль о том, что роль пьянства при позднем социализме заключалась в удовлетворении психологических потребностей людей, неудовлетворённых окружающей действительностью. «Коммунистическая партия, - отмечал А.В. Шубин, - не могла

⁴¹ Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология власти. 2010. №4. С. 213.

⁴² Багдасарян В.Э. Трезвость – норма перестройки // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2004. С. 263.

⁴³ В свою очередь, основным источником подобных рассуждений Похлебкина является ряд исследований американского физиолога и биохимика Р.Дж. Уилльямса, полагавшего, что в современном промышленном обществе, у рабочих, занятых в различных отраслях тяжёлой и химической промышленности имеются биологические отклонения, вызывающие пищевую и физиологическую потребность в алкоголе. Похлебкин В.В. История водки. М., 2005. С. 119.

признаться в том, что людей заставляет пить безысходность на работе и дома, отсутствие развитой инфраструктуры развлечений, общий кризис системы воспитания и образования (равно как и всех прочих систем), однообразие жизни и дефицит на все и вся, кроме водки»⁴⁴.

Безусловно, теории девиации вполне применимы к анализу некоторых аспектов советской повседневности, учитывая также то, что советскому человеку было намного легче принимать определенность оправданных обществом ожиданий, чем полагаться на рациональный опыт и собственные знания в ситуации, где такое доверие отсутствует⁴⁵. Однако логическое продолжение подобной модели может привести к выводу о том что, позднесоветский субъект имел некую приватную зону повседневности, в которой проявлялось его истинное лицо и притворное поведение, помогавшее ограждать его частную жизнь от идеологического и политического влияния режима. К примеру, омский исследователь А.В. Дорошенко полагает, что потребление спиртного в годы позднего СССР могло являться средством пассивного и замаскированного отторжения от действий и высказываний государственной власти, поскольку «постепенное назревание общественных перемен и вызванное этим изменение ценностных установок значительного количества людей приводили к отторжению его от официальных властей. Несмотря на соблюдение «правил игры», внутреннее отчуждение от них неуклонно нарастало. Чем больше старались добиться демонстрации энтузиазма, тем менее искренней она была»⁴⁶.

Приведём одну из репрезентаций подобной социальной роли потребления спиртного в неофициальном искусстве. В ироничной карикатуре художника Б. Орлова с подписью «У русского сначала свое на уме, а уж потом чужое», созданной в канун Московской олимпиады изображен маленький человек перед большим пьедесталом, предназначенным для награждения спортсменов. Однако на ступенях пьедестала вместо них стоят три огромные бутылки: водка, портвейн и пиво. В этой карикатуре довольно ярко продемонстрированы приоритеты советского обывателя, где фантазии о предстоящем путешествии в личное забвение важнее национальных спортивных достижений.

Публицистическая и художественная литература, посвященная алкогольной тематике в годы позднего СССР, представляет собой широкий пласт эмпирической аргументации тезиса о том, что алкоголь в позднесоветском контексте являлся средством эскапизма и ухода в сферу частной жизни советского человека. «В 60-е больная печень была

⁴⁴ Шубин А.В. От застоя к реформам. СССР в 1977-1985 гг. М., 2000. С. 636.

⁴⁵ Богданов К. А. Советская очередь: социология и фольклор // Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001. С. 426.

⁴⁶ Дорошенко А.В. Борьба с пьянством в СССР в 1970-х гг. – первой половине 1980-х гг. (на материалах Западной Сибири): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Омск, 2016. С. 10.

несовместима с дружбой, - метко подметили публицисты А.А. Генис и П.Л. Вайль, - И все же алкоголь был средством, а не целью. Смысл застолья — в творческом горении, которое осеняло дружескую компанию, соблюдающую весь этот ритуал. Здесь рождалась не истина, а взаимопонимание. Искусство пьяного диалога заключалось в осторожном нащупывании совместной мировоззренческой платформы. <...> Пьянка строила модель перевернутой вселенной, в которой важно только неважное и истинно только несказанное. <...> С каждой рюмкой снимается очередная обязанность перед обществом: застолье подразумевает в собутыльнике человека просто человека, лишенного любой социальной роли»⁴⁷. Приведённый отрывок из работы известных публицистов-эмигрантов является ещё одним подтверждением в пользу того, что потребление спиртного являлось инструментом выстраивания особенных отношений, напоминающих, если угодно, некую форму внутренней эмиграции советского субъекта.

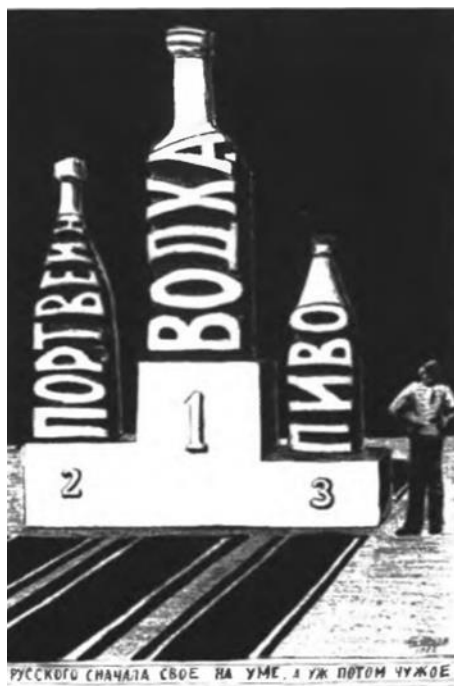

Рисунок 1. – Б. Орлов. «У русского сначала свое на уме, а уж потом чужое» (1979 г.)⁴⁸.

Помимо этого, классическая работа Вайля и Гениса важна для нас в силу особенного понимания самой природы советского человека и особенностей его мировосприятия. По мнению авторов, в контексте эпохи шестидесятников, огромное значение придавалось литературной составляющей, означавшее, что многие повседневные действия

⁴⁷ Вайль П., Генис А.. 60-е. Мир советского человека. М., 1996. С. 71-72.

⁴⁸ См. в: О'Махоуни М. Спорт в СССР: физическая культура – визуальная культура. М., 2006. С. 237.

воспроизводились сквозь призму метафор и аллегорий⁴⁹. Соответственно, активное проникновение пьянства в повседневность советского человека, Вайль и Генис связывали с популярностью западной литературы (прежде всего романов Э. Хемингуэя), благодаря которой, потребление спиртного в позднесоветской реальности становилось особым способом взаимодействия с миром⁵⁰.

Также ярким примером пассивного сопротивления прагматизму повседневной жизни посредством практик потребления спиртного предстаёт сюжет одного из знаковых литературных текстов позднесоветской эпохи – поэмы В. Ерофеева «Москва-Петушки». «И это желание выпить - вовсе не желание просто выпить, - писал в 1982 г. автор знаменитого романа, - а то же тяготение к демократии. Заставить в себе говорить то, что по разным соображениям помалкивало, то есть позволить взглянуть на те же вещи по-иному»⁵¹. Приведённый отрывок, не являющийся единичным, является ярким примером широко распространённого предположения о том, что алкоголь всегда дезинформирует людей и побуждает их раскрывать свою истинную сущность.

В контексте данных рассуждений, имеет смысл обратиться к работе антрополога Н. Рис, посвящённая речевой повседневности в годы перестройки, в которой автор проанализировала особенный пласт дискурсивных практик и высказываний, связанные с таким видом социальной деятельности как обыденные разговоры и беседы. После выявления области повторяющихся и ритуализированных высказываний, оказалось, что в перестроечной речи нарастала частота литаний – дискурсивного жанра, в рамках которого излагаются жалобы и тревоги говорящего по поводу различных трудностей и неприятностей⁵². Автор также задалась вопросом о том, почему сага об отчаявшемся пьянице в лице главного героя романа Ерофеева приобрела для многих советских пьяниц сакральный характер⁵³ и отметила, что в повседневной жизни общества позднего СССР алкоголизм «как феномен нарративной/поведенческой сферы давал неисчислимы возможности для изоциренного иронического сопротивления приземленной, сугубо практической дисциплине в семье, коллективе и государстве»⁵⁴. Фигура пьянствующего героя в подобном социальном пространстве стала ярким примером распущенного советского обывателя, в образе которого была видна неспособность советской системы изменить в сознании населения представления

⁴⁹ Пинский А. Предисловие к сборнику // После Сталина. Позднесоветская субъективность (1953-1985): сборник статей. СПб., 2018. С. 16.

⁵⁰ Вайль П., Генис А. 60-е: Мир советского человека... С. 71.

⁵¹ Цит. по: Курукин И.В., Никулина Е. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007. С. 113.

⁵² Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М., 2005. С. 160.

⁵³ В мае 1990 г. на похоронах В. Ерофеева в Москве, церковь, двор и часть улицы были заполнены его почитателями, отстоявшими всю службу.

⁵⁴ Рис Н. Русские разговоры... С. 213.

о такой устоявшейся форме жизненной практики как пьянство⁵⁵. В своём повествовании Ерофеев не просто выходит за рамки повседневной жизни, но и бросает вызов всякой практичности и целесообразности.

Соответственно, если мы попытаемся зафиксировать культурную значимость потребления спиртного исключительно в качестве средства побега от неудовлетворяющей социальной реальности или инструмента для вскрытия истинного отношения к политической обстановке в стране, то следующий уровень интерпретации может вывести на воспроизводство модели вынужденного притворства советского субъекта, имеющей в своей основе предположение о двойственном характере поведения субъекта современного авторитарного государства, поверженного необходимостью носить маску ложного принятия идеологии, под которой прячется его истинное «я». А. Юрчак выступил с критикой анализа, при котором советская система сводится к упрощенной бинарной модели авторитарного государства и сопротивляющегося ему общества. Не вдаваясь в подробный анализ известной работы, остановимся на краткой характеристике одного из её ключевых понятий. По мнению Юрчака, одним из центральных принципов существования и функционирования всей советской системы позднесоветского периода являлся принцип вменяемости советского субъекта⁵⁶. Такие отношения предполагали одновременное пребывание как внутри поля воздействия советского авторитарного дискурса, так и за его пределами, что отличается и от поддержки этого дискурса, и от оппозиции ему. Ключевая особенность отношений вменяемости заключается в том, что в отличие от форм эскапизма, они не подразумевают ухода от политической стороны советской жизни, поскольку были построены по принципу изменения смысла авторитарных высказываний⁵⁷, что, в конечном счёте, приводило к активным изменениям смысловой составляющей системы.

Мы полагаем, что использование советским человеком потребления спиртного в качестве особой практики непослушания могло вести к переиначиванию смысла государственных призывов и планов на свой манер и их обличению в иронические формы. Благодаря этому, советский человек мог оказываться свободен от взаимодействия с ритуалами и высказываниями официального дискурса, находясь одновременно под его воздействием. Соответственно, распространение питейной культуры могло быть связано не столько с определённым отношением к системе, сколько с восприятием алкоголя в качестве

⁵⁵ Рис Н. Русские разговоры... С. 218.

⁵⁶ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 564.

⁵⁷ Такая парадоксальная, на первый взгляд, ситуация была связана с коренными изменениями самого советского авторитарного дискурса в годы позднего социализма. По мнению Юрчака, в это время произошёл *перформативный сдвиг* советского авторитарного дискурса, когда главной задачей каждого высказывания на этом языке стало воспроизведение его фиксированных и неизменных форм, а не создание более-менее точного описания фактов. Там же. С. 134.

средства нейтрализации психологического напряжения, возникавшего на бытовом уровне. Таким образом, периодические практики потребления спиртного могли выступать в роли символического средства утверждения временной автономии советского субъекта, что не является стратегией выживания и сопротивления навязываемой дисциплине.

Помимо этого важно учитывать невидимые, на первый взгляд, функции, которые потребление спиртных напитков имело в позднесоветской неформальной экономике, где алкоголь мог выступать в роли специфического проводника к местам, где тесным образом переплетаются практики потребления и обмена, акты общения и личных интересов.

В позднесоветской действительности любые практические способы обхождения легитимных каналов распространения товаров и услуг, информации, получения желаемых рабочих мест и должностей автоматически принимали неофициальный статус и становились элементами неформальных советских отношений. Они находились в специфических симбиотических отношениях с государственной экономикой, т.е. полностью зависели от нее в ресурсах, и одновременно подрывали ее ключевые цели⁵⁸. Примечательно, что в исследованиях феномена советской неформальной экономики зачастую игнорируется значительная роль спиртных напитков, выступавших одним из прочных столпов этой системы. Потребление алкоголя, помимо всего прочего, являлось важным связующим звеном в переплетении личных и экономических отношений.

Например, в ситуации отсутствия законодательного регулирования массивного пласта деловых контактов, при которых большая часть сделок заключалась лицом к лицу, алкоголь мог выступать в качестве неофициального «гаранта» неформальных соглашений. Участник исследования американского антрополога Ю. Райхела вспоминал о том, как водка влияла на процессы складывания личных взаимоотношений в контексте теневых экономических отношений: «две компании встречаются в небольшом офисе и одна говорит другой: «Мы вам – вагон, вы нам – два». И в такой ситуации человек не может отказаться от алкоголя – все будут смотреть на него не так. Сделка развалится. Поэтому мне приходилось много пить: чтобы «протокольнуть» и чтобы расслабиться после этого»⁵⁹.

Употребление алкоголя не только помогало создавать и укреплять отношения: оно позволяло также размывать любое четкое различие между экономическим и интимным. Эта роль проявлялась также и в том, что спиртные напитки являлись не только средством ритуального закрепления отношений, но и объектом обмена. Уже во время начала кампании по борьбе с пьянством, томский инженер Павел объяснял особенности использования

⁵⁸ Барсукова С.Ю. Блатной советский союз, или экономика взаимных услуг. Рецензия на книгу: Ledeneva A. 1998. Russia's economy of favours: Blat, networking and Informal exchange // Экономическая социология. 2013. №1. С. 113.

⁵⁹ Raikhel E. Governing habits: treating alcoholism in the post-Soviet clinic. NY, 2016. P. 36.

алкоголя в качестве суррогатной валюты: «Я не пьяница, вино появляется за нашим столом лишь в дни рождения и на Новый год. Водку держим в доме только как «а.з.» - аварийный запас, предназначенный для слесаря или сантехника на случай бытовых неполадок. Почему же из-за алкашей должны страдать мы, порядочные люди?»⁶⁰. Водка имела много характеристик, которые способствовали ее использованию в качестве суррогатной валюты: во-первых, это портативный и не скоропортящийся продукт, имеющий стабильную стоимость⁶¹. Другая, возможно, самая важная характеристика спиртного, заключается в его исключительной потребительской ценности. Распространённому использованию алкоголя для бартера, вне всяких сомнений, способствовало молчаливое признание этого феномена со стороны государственных органов централизованного планирования. Вероятно, государственные органы понимали эту роль, учитывая ситуацию позднесоветского дефицита.

В различных контекстах потребление спиртного вызывало различные невербальные поведенческие аспекты, позволявшие маркировать человека как «одного не из наших». Один из участников исследования Ю. Райхела вспоминал, как отказ от распития водки с начальством на работе имел серьезные последствия для его карьерного роста. Представители администрации предприятия, на котором работал Иван, с пренебрежением относились к его трезвенническому образу жизни, отмечая его непролетарское происхождение, и, тем самым определяя его интеллигентскую и еврейскую идентичность⁶².

Помимо этого, не стоит забывать роль спиртного в отечественной ритуальной и обрядовой традиции. Трудно не согласиться с мнением Н.Б. Лебиной о том, что «спиртные напитки в семиотическом контексте, равно как и формы борьбы с алкоголизмом составляют неотъемлемую часть культурно-антропологического процесса»⁶³. Соответственно, различные обряды перехода в российской/советской культуре теряют свою значимость, если в них отсутствует потребление спиртных напитков (свадьбы, поминки, проводы в армию, защиты диссертации и т.д.). Отмеченная деталь, имеющая давнюю культурную традицию, в позднесоветском контексте приобрела особую значимость, поскольку усиление праздничной культуры в эти годы способствовало тому, что многие официальные и семейные праздники уже не могли проводиться без потребления различных спиртных напитков. В.И. Едовин, пенсионер из Костромы, в своем дневнике отмечал изменение характера уличных городских праздников: «За год 2-3 раза проводятся массовые гуляния горожан, праздники песни. В эти

⁶⁰ Бутылка для сантехника // Красное знамя (Томск). 1985. 7 августа. С. 3.

⁶¹ Курукин И.В., Никулина Е.А. «Государево кабацкое дело»: очерки питейной политики и традиций в России. М., 2015. С. 320.

⁶² Raikhel E. Governing habits: treating alcoholism in the post-Soviet clinic... P. 37.

⁶³ Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля. Ленинград, 1950-1960-е годы. СПб., 2015. С. 111.

дни собирается здесь людей многие десятки тысяч. Идет бойкая торговля промтоварами сувенирного порядка, широкая торговля общепита. Все это хорошо. Но все эти праздники сопровождаются повальным пьянством. Недостаток этих праздников в том, что непосредственного участия людей нет, принимает участие мало народу, все больше смотрящих и пьющих»⁶⁴. Потребление спиртного как важнейший элемент советского праздника позволял наиболее точно воспроизводить осуществлять социальные особенности этого культурного элемента. Выход за рамки повседневного, существование временных и пространственных границ, строгой определённости праздника⁶⁵ обеспечивалось при помощи алкоголя.

Вышеперечисленные характеристики культурной роли позднесоветского пьянства, способствовали тому, что опыт пристрастия к алкоголю являлся реальностью повседневной жизни позднесоветского человека, вне зависимости от его социальной принадлежности. Приверженность к потреблению спиртного пронизывала буквально все слои советского общества – от рабочих до государственных чиновников, максимально приближённых к созданию антиалкогольной стратегии. Например, в дневниковой записи от 2 марта 1985 г. заместитель руководителя Международного отдела ЦК КПСС А.С. Черняев ярко иллюстрирует алкогольные пристрастия некоторых коллег по отделу: «Б.Н. (Пономарёв Борис Николаевич – руководитель отдела – М.Г.) собирал замов и весь состав партбюро Отдела по случаю очередного Постановления ЦК о борьбе с алкоголизмом. ... Хотя непосредственной причиной созыва партбюро было то, что на днях Жилин завалился к нему в кабинет совершенно бухой.... С ходу можно назвать 10-12 алкоголиков, которые то и дело пьяными ходят по коридору. И среди них Шапошников, который, однако, пользуясь своим положением зама, после попойки просто не является на работу – день, другой, полдня, а попойки бывают не реже 2-3 раза в неделю»⁶⁶.

Обозначенные тенденции не могли не находиться в поле зрения государственных органов, в связи с чем различные антиалкогольные инициативы не являлись чем-то новым, а напротив, были составной частью социальной политики советского руководства, несмотря на различные изменения по алкогольному вопросу в официальном дискурсе. Алкогольный вопрос был одним из элементов общего официального дискурса о потреблении материальных благ, ярко отражавший двойственную природу потребления в позднесоветской реальности. Подчеркнём известную историографическую позицию в исследованиях позднего СССР, согласно которой, после 1953 года контроля и гармонии над

⁶⁴ Цит. по: Козлова Н.Н. Советские люди: сцены из истории. М., 2005. С. 179.

⁶⁵ Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб., 2015. С. 51.

⁶⁶ Черняев А.С. Совместный исход (Дневник двух эпох. 1972 – 1991 гг.). 1985 год. М., 2008. С. 17.

населением было решено добиваться при помощи тонких и более гуманных, в отличие от предыдущей эпохи, средств⁶⁷. Вполне вероятно, рост доступности покупки спиртных напитков мог выступать в качестве стабилизирующего средства в отношениях между партийным государством и человеком, формировавшие позднесоветские субъектные позиции. По мере роста материального благосостояния населения в позднем СССР, когда двойственная природа потребления вышла на первый план, а удовлетворение материальных потребностей впервые получило приоритет над тяжёлой промышленностью⁶⁸, растущее потребление спиртного всё сильнее вставало в противоречие с морально-идеологическим целеполаганием общества.

Так, с момента утверждения единоличной власти Н.С. Хрущева в 1957-1958 гг. начинается трансформация тоталитарного характера политики производства и потребления спиртных напитков. В рабочих документах ЦК КПСС впервые с 1930-х гг. начинают появляться замечания о таком проявлении «бытового бескультурья» как пьянство, искоренение которого возможно при помощи повышения культуры и материального благосостояния населения⁶⁹. По мнению Н.Б. Лебиной, новый характер антиалкогольных формулировок в нормативных суждениях хрущёвской эпохи носил ярко выраженный антитоталитарный характер и был связан с процессом «демократизации повседневности». Соответственно, ключевой целью хрущёвской антиалкогольной кампании было разрушение прежней ресторанно-банкетной составляющей культуры потребления спиртного, выражавшее процессы социального неравенства тоталитарного общества, поскольку существовала на фоне практик потребления спиртного основной массы населения в менее обустроенных пространствах⁷⁰.

Несмотря на присутствие в официальном дискурсе второй половины 1950-х гг. некоторых утопических взглядов на проблему советского пьянства, можно заметить явное усиление критической риторики антиалкогольных нормативных суждений, наиболее наглядным проявлением чего стало принятое в декабре 1958 г. постановление «Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле спиртными напитками». Популярность потребления спиртного связывалась с кризисными элементами в области культуры и воспитания, в частности, отмечалось, что «в наших условиях пьянство - в значительной мере

⁶⁷ Пинский А. Предисловие к сборнику // После Сталина. Позднесоветская субъективность (1953-1985): сборник статей. СПб., 2018. С. 18.

⁶⁸ Иванова А. Магазины «Берёзка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М., 2017. С. 13.

⁶⁹ Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля. Ленинград, 1950-1960-е годы. СПб., 2015. С. 124.

⁷⁰ Там же.

проявление распущенности, результат плохого воспитания и подражания заразительным дурным примерам, обычаям и привычкам, унаследованным от прошлого»⁷¹.

Подобные изменения в алкогольной политике советского руководства также могли быть связаны с формированием более широкого официального нарратива, в который были включены связанные между собой идеи революционных традиций прошлого с программой коммунистического будущего. Как отмечает Катарина Уль, молодое поколение хрущёвской оттепели сталкивалось с огромным количеством различных идеологических формул о героическом прошлом и представлением о близком будущем, напомилавшее нечто близкое к раю. Советская пропаганда давала огромное количество указаний и моделей, в соответствии с которыми молодые люди должны были организовывать свое поведение. Место, предписанное новому постсталинскому поколению в советском настоящем, было тесно связано с героическими поступками предшественников, на которые следовало ориентироваться, а также с перспективой светлого коммунистического будущего, которое будет достигнуто, когда будут приобретены необходимые для этого моральные качества. Усилия советских пропагандистских каналов в области моральной инженерии, постоянно отсылавших к прошлому и будущему, были колоссальными, результатом чего стал четко определенный набор дискурсов о молодом поколении и его поведении⁷². Одной из таких стратегий, на наш взгляд, совершенно неслучайно стала попытка изменения нравственного облика пьющего советского субъекта.

Антиалкогольные инициативы хрущёвской эпохи способствовали ликвидации (либо частичному изъятию) пьянства из подконтрольной местным органам власти сферы общественного пространства: так, в городах начали закрывать рюмочные и чайные, ларьки и киоски, торговавшие спиртными напитками, были повышены цены на продажу водки и коньяка в магазинах и ресторанах. Подобные меры в свою очередь привели к расширению неконтролируемых форм и практик пьянства в частном пространстве, благодаря чему значение потребления спиртных напитков в повседневности рядового советского человека только усиливалось и становилось одной из основных социальных проблем в годы позднего СССР.

Осознавая, что такая форма жизненной практики как пьянство утратила статус явления, несовместимого с советским строем и принадлежностью к рабочему классу, с 1960-х годов в официальном дискурсе по алкогольному вопросу превалировали идеи сторонников

⁷¹ Фокин А.А. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками" и антиалкогольная кампания 1960-х годов // *Magistra vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*, 2014. С. 109-115.

⁷² Уль К. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: роль молодежи во время «оттепели» // *Антропологический форум*. 2011. № 15. С. 279–326.

более мягких, постепенных методов ограничения пьянства - в частности, замены привычки потребления водки на потребление вина и пива. Практическим олицетворением идеи «культурного» потребления низкоградусных спиртных напитков стало изданное в 1972 году постановление ЦК и Совмина «О мерах по усилению борьбы с пьянством». Новая государственная попытка снижения социальных последствий пьянства предполагала ограничение производства водки, улучшение её качества, а также увеличение производства сухих вин и слабоалкогольных напитков⁷³. Эта попытка «снижения вреда», причиняемого алкогольными напитками была крайне неудачной: на прилавках магазинов появилось большое количество плодово-ягодных и крепленых вин сомнительного качества, с появлением к концу 1980-х годов кооперативов, стали создаваться подпольные цеха по производству алкоголя⁷⁴.

Вполне очевидно, что запретительные попытки и административные ограничения не могут поменять складывавшиеся на протяжении многих лет набор традиционных бытовых культурных практик населения. Однако важно заметить, что антиалкогольные инициативы руководства страны не учитывали невидимого на первый взгляд культурного и экономического значения, который приобрёл феномен пьянства в различных практиках и контекстах позднесоветского времени. Так, находясь под воздействием различных идеологических стратегий, советский человек при помощи алкоголя утверждал свою временную автономию от взаимодействия с официальным дискурсом, что не могло быть замеченным властными структурами. Неслучайно каждая государственная попытка борьбы с этим социальным явлением заканчивалась парадоксальным образом - неуклонным ростом потребления спиртного⁷⁵, пронизывавшего буквально все слои советского общества.

Позднесоветский опыт продемонстрировал то, что алкогольная проблема может быть значимым и неотъемлемым элементом социальной политики государства, несмотря на всю её двойственность и противоречивость. В ситуации постоянного увеличения производства алкогольной продукции, продиктованного финансовыми интересами государства, официальный дискурс по этому вопросу имел в своей основе идею о безнравственном характере пьянства как социального явления. Однако постепенно дискурсивные антиалкогольные стратегии дополнялись и менялись, в соответствии с чем, пьянство представало в роли медицинской и психологической потребности отдельно взятого «опустившегося» человека, элементом частной жизни отдельного советского субъекта. В частности, подобные изменения нашли своё отражение в различных кинематографических

⁷³ Систематическое собрание законов РСФСР, указов Президиума ВС РСФСР. Т. 9. М., 1968. С. 279-281.

⁷⁴ Карпова Г.В. «Выпьем за Родину!». Питейные практики и государственный контроль в СССР // Советская социальная политика, сцены и действующие лица, 1940 – 1985. М., 2008. С. 344.

⁷⁵ Такала И.Р. «Веселие Руси»: история алкогольной проблемы в России. СПб., 2005. С. 208.

репрезентациях, закреплявшие образ потребителя спиртного как человека заблудшего, но вполне симпатичного, которого не хотелось придавать серьёзному наказанию⁷⁶. В конечном счёте, к середине 1980-х гг. тенденция роста потребления спиртных напитков носила угрожающий характер не только для здоровья советских людей, но и для финансово-экономических интересов государства⁷⁷, чему будет посвящен следующий раздел.

⁷⁶ Ярким примером являются образы плутоватых самогонщиков из фильмов Л.И. Гайдая в исполнении Ю. Никулина, Г. Вицина и Е. Моргунова.

⁷⁷ Багдасарян В.Э. Трезвость – норма перестройки // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2004. С. 263.

1.2 Социально-демографические последствия позднесоветского пьянства

Возрастание роли и значения потребления спиртного в позднесоветском обществе и отсутствие эффективной системы социального контроля этого явления способствовали логичному росту социально-медицинских и демографических негативных последствий пьянства, которые мы попытались кратко охарактеризовать в данном разделе работы.

Увеличение темпов производства спиртных напитков и алкогольного потребления в период между 1950 и 1985 годами привело к тому, что СССР по праву считалась одной из самых пьющих стран мира. Как отмечают американские экономисты Д. Бхаттачарья, К. Гатманн и Г. Миллер, только за период с 1960 по 1979 год продажи алкоголя выросли почти в четыре раза (при этом располагаемые семейные доходы, потраченные на алкоголь, достигли 15-20 процентов)⁷⁸. Обострение подобной ситуации было связано с безудержным ростом государственной продажи алкоголя в годы позднего СССР. Так, темпы роста продажи спиртных напитков в середине 1960-х гг. были выше, чем темпы роста продажи основных продуктов питания - хлеба, масла, рыбных продуктов и кондитерских изделий⁷⁹. Как отмечал В.Н. Горлов, одним из факторов роста продажи алкоголя было то, что винные отделы в магазинах зачастую выполняли план товарооборота именно за счет интенсификации реализации спиртных напитков, что также могло быть связано с зависимостью заработной платы работников торговой сети от товарооборота⁸⁰.

Долгое время в демографических исследованиях вставала проблема получения достоверной информации о потреблении спиртных напитков в связи с очевидной тенденциозностью советской статистики. Так, с 1963 года, когда уровень продаж спиртного достиг 1/6 всего советского товарооборота и 1/3 от реализации продовольствия, данные по продажам алкогольных напитков из государственных торговых точек были объединены в категорию «другие продовольственные товары» с такими продуктами, как мороженое, кофе, грибы и специи, в результате чего данная категория продуктов питания, согласно советским статистическим справочникам, порой могла приносить до 50 млрд. рублей в год⁸¹.

⁷⁸ Bhattacharya J, Gathmann C., Miller G. The Gorbachev Anti-Alcohol Campaign and Russia's Mortality Crisis [Electronic Resource] // American Economic Journal: Applied Economics. 2013. № 2. P. 232. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3818525/> (Access Date: 24.03.19)

⁷⁹ Народное хозяйство СССР в 1963 году, М., 1964. С. 507.

⁸⁰ Горлов В.Н. Застой, застоля и квартирный вопрос // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2004. С. 192.

⁸¹ Mc Kee M. Alcohol in Russia // Alcohol and Alcoholism, 1999. № 6. P. 826.

После обнародования статистических данных о советском уровне алкогольного потребления, было обнаружено, что ещё в 1950 г. потребление алкоголя⁸² составляло около 1,9 л., что было ниже предвоенного уровня, после чего в силу вышеупомянутых факторов начался рост потребления, достигший максимальной точки в 1979 г. - 10,8 литров⁸³. Как правило, именно эти данные традиционно используются в научно-популярной и публицистической литературе, посвящённой алкогольной тематике в СССР.

По справедливому замечанию А.В. Немцова, эти цифры отражают только регистрируемую продажу спиртных напитков органами государственной торговли, игнорируя данные о нерегистрируемом производстве и потреблении алкоголя, основу которого, несомненно, составляет самогонный спирт, производимый на 3/4 из сахара и на 1/4 из других пищевых продуктов⁸⁴. Так, только в 1984 году, было изготовлено 160 миллионов декалитров самогона из сахара.⁸⁵ В демографических исследованиях алкогольной проблематики существует несколько методов оценки потребления нерегистрируемого алкоголя. Согласно одному из них, потребление самогона можно зафиксировать, обследуя состояние семейных бюджетов и данные о покупках сахара - основного компонента кустарного производства спиртного. Учитывая то, что подобные расчёты стали неточными в связи с участившимися случаями перебоев в снабжении населения сахаром, который в годы антиалкогольной кампании стал нормироваться, А.В. Немцовым была разработана альтернативная техника подсчёта. Она основывается на особенностях практик отечественной судебно-медицинской экспертизы, когда при вскрытии всех насильственных и случайных смертей, а также смертей с неясными причинами, документируется содержание алкоголя в крови. Соответственно, использование судебных записей предполагает оценку связи между концентрацией алкоголя в крови и общим потреблением спиртных напитков, восстанавливая предполагаемое потребление самогона⁸⁶.

Принимая во внимание тот факт, что перебои в поставках сахара начинаются после 1986 года, для оценки позднесоветского уровня потребления спиртных напитков, могут применяться обе методики. Примечательно, что в позднесоветских условиях секретности данных о реальном уровне потребления алкоголя, Госкомстатом и американскими

⁸² Традиционно подобные данные означают среднелюдское потребление, т.е. показатели употреблённого чистого спиртного в литрах, содержащийся во всех выпитых за год напитках, и разделенный на число жителей страны.

⁸³ Немцов А.В. Потребление алкоголя и смертность в России // Социологические исследования. 1997. № 9. С. 113.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ СССР в цифрах в 1988 году. М., 1989. С. 87.

⁸⁶ Bhattacharya J, Gathmann C., Miller G. The Gorbachev Anti-Alcohol Campaign and Russia's Mortality Crisis [Electronic Resource] // American Economic Journal: Applied Economics. 2013. № 2. P. 234. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3818525/> (Access Date: 24.03.19)

специалистами были одновременно и на разных основаниях проведены независимые оценки, выявившие практически одинаковые результаты. Согласно таким подсчётам, в РСФСР, непосредственно перед началом кампании по борьбе с пьянством, самогонный алкоголь измерялся цифрой в 30,2% от спиртных напитков госпродажи, а реальное потребление спиртного в 1984 г. составляло 14,5 литров, что делало Россию главным потребителем алкоголя в Европе⁸⁷. Эта цифра примерно эквивалентна количеству взрослых мужчин, потребляющих пол литра водки каждые два дня. Учитывая более низкий уровень потребления алкоголя в советских государствах с большим количеством мусульман (например, на Кавказе и в Центральной Азии), уровень потребления спиртного только для России был, вероятно, намного выше. В частности, в Приморском крае уровень потребления чистого алкоголя на душу населения к 1984 г. достигал цифры 12 литров, а на Сахалине – почти 17 литров⁸⁸.

В докладе ЦРУ, посвященном антиалкогольной кампании в СССР отмечалось, что пьянство серьезно осложняет ситуацию с трудовой дисциплиной на советских предприятиях. Отмечалось, что согласно сведениям одного из советских исследований, 20% мужчин и 11% женщин употребляли алкоголь на работе. По мере роста потребления алкоголя с 1,5 литров на душу в 1945 г., до около 10,3 литра в 1985 г., темпы прироста национального дохода упали с 15% в год до 4,3%⁸⁹. Помимо этого, пьянство оказывало негативное влияние на производственную дисциплину. Примерно 90% прогулов было связано с пьянством, что также признавали руководители страны. Так, председатель Госплана Н.К. Байбаков в своих мемуарах подчёркивал, что к концу 1970-х гг. в руководстве страны существовали опасения, касавшиеся размеров экономического ущерба от последствий пьянства⁹⁰. Помимо этого, в структуре несчастных случаев в Советском Союзе ведущее место занимали травмы непроизводственного характера, очень часто связанные с чрезмерным потреблением спиртного. По данным В.Э. Багдасаряна, 5-10 % рабочих потребляло алкоголь перед началом работы, а 10–15 % пили спиртное в течение рабочего времени⁹¹. Данные процессы влекли за собой дестабилизацию сферы организации трудового процесса. Так, например, в 1985 г. рост производительности труда не смог достигнуть плановых показателей.

⁸⁷ Немцов А.В. Потребление алкоголя и смертность в России // Социологические исследования. 1997. № 9. С. 114.

⁸⁸ Стенограмма Заседания Политбюро ЦК КПСС 4 апреля 1985 г. об антиалкогольной кампании [Электронный ресурс] // National Security Archive. [б.д.]. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Perestroika/1985.04.04%20Politburo%20Session%20on%20AntiAlcohol%20Campaign.pdf (дата обращения 14.02.19).

⁸⁹ Gorbachev's Campaign Against Alcohol. A Research Paper [Электронный ресурс] // CIA.Sov. 1986. P. 9. URL: <https://www.cia.gov/library/index.html> (дата обращения 11.01.19).

⁹⁰ Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 158.

⁹¹ Багдасарян В.Э. Трезвость – норма перестройки // Веселие Руси. XX век... М., 2012. С. 401.

В конечном счёте, убытки от пьянства к середине 1980-х гг. существенно превышали алкогольную добавку в доходной части бюджета. Согласно подсчётам Р.Г. Кирсанова, в это время в государственный бюджет не поступало до 25–30 млрд. рублей в результате прогулов и снижения производительности труда; себестоимость производства спиртных напитков оценивается в 2 млрд. рублей, а 3–4 млрд. рублей расходовались на лечение алкоголиков и заболевших от алкоголя. Помимо этого, многие миллиарды терялись вследствие поломок машин, станков и механизмов, производства бракованной, некачественной продукции⁹².

Динамика роста преступности в позднесоветский период также была тесным образом связана с процессами алкоголизации населения и приобщения к спиртному молодёжи. Только в 1979 году от 12 до 15 процентов взрослого городского населения были арестованы за общественное пьянство и отправлены на лечение в вытрезвители⁹³. Министр внутренних дел В.В. Федорчук в газете «Правда» отмечал, что в 1982 году около 800000 советских граждан потеряли свои водительские права по причине езды в состоянии опьянения. Ссылаясь на данные 1983 г., в докладе ЦРУ писалось о том, что треть всех зарегистрированных алкоголиков начали пить до того, как им исполнилось 10 лет, а средний возраст алкоголиков снизился на пять-семь лет за предыдущее десятилетие⁹⁴. Также различные публикации указывали, что 80% грабежей, 75% убийств и изнасилований и 50% краж личной собственности совершаются людьми, которые находились в состоянии алкогольного опьянения⁹⁵. Как отмечал М.С. Соломенцев на заседании Политбюро ЦК КПСС только за 1984 г. под воздействием алкогольного опьянения было совершено около 13 тысяч изнасилований, 29 тысяч грабежей⁹⁶. Ярким примером того, что потребление спиртных напитков может выступать в качестве катализатора социальной дестабилизации, являются массовые беспорядки между местными жителями и органами правопорядка в г. Бийске в июне 1961 г., начавшиеся после отказа прекратить распитие спиртного в общественном месте⁹⁷. Взаимосвязь снижения возрастных границ потребителей спиртного и рост числа преступлений, совершаемых в нетрезвом состоянии, наглядно подтверждают архивные документы из фонда Томского городского комитета КПСС. К примеру, в одном из

⁹² Кирсанов Р.Г. Антиалкогольная кампания периода перестройки: «новое мышление» и старые методы [Электронный ресурс] // Вестник Российской нации. 2015. № 6. С. 106. URL: http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/026/687/original/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D0%A0%D0%9D_6_2015.pdf?1450163461 (дата обращения 29.04.2019).

⁹³ Gorbachev's Campaign Against Alcohol. A Research Paper [Электронный ресурс] // CIA.Sov. 1986. P. 13. URL: <https://www.cia.gov/library/index.html> (дата обращения 11.01.19).

⁹⁴ Ibid. P. 10.

⁹⁵ Ibid.

⁹⁶ Стенограмма Заседания Политбюро ЦК КПСС 4 апреля 1985 г. об антиалкогольной кампании [Электронный ресурс] // National Security Archive. [б.д.]. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Perestroika/1985.04.04%20Politburo%20Session%20on%20AntiAlcohol%20Campaign.pdf (дата обращения 14.02.19).

⁹⁷ Козлов В. А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953 - 1985 гг. М., 2006. С. 207-214.

городских постановлений, не являющееся единичным, сообщалось о группе подростков, которая в пьяном виде совершала нападения на водителей и угоны автомобилей⁹⁸.

Ссылаясь на данные 1983 г., в докладе ЦРУ писалось о том, что треть всех зарегистрированных алкоголиков начали пить до того, как им исполнилось 10 лет, а средний возраст алкоголиков снизился на пять-семь лет за предыдущее десятилетие⁹⁹. Несмотря на то, что в речевой позднесоветской повседневности пьянство как форма вызывающего и недисциплинированного поведения зачастую воспринималось в качестве кода мужской идентичности, питейные практики среди женщин в эти годы также получают своё распространение. По мнению Н. Рис, женское пьянство могло восприниматься менее трагично в силу более высокой моральной значимости женской твёрдости и терпеливости на символическом уровне¹⁰⁰. Тем не менее, к середине 1980-х гг. каждый десятый состоящий на учёте алкоголик являлся женщиной, а авторы различных публикаций на алкогольную тематику полагали, что доля женского алкоголизма находится в пределах 10-15 % от общего числа зарегистрированных алкоголиков¹⁰¹.

В краткосрочный андроповский период было достигнуто первое за послевоенные годы снижение потребления спиртных напитков¹⁰². Однако, несмотря на то, что в эти годы наказания за злоупотребление спиртным стали составной частью кампании по усилению трудовой дисциплины, именно при Ю.В. Андропове началось производство водки по пониженной цене, (моментально прозванной «андроповкой») с целью сбалансирования государственного бюджета, важнейшей составляющей которого являлись поступления от продажи алкогольных напитков. По воспоминаниям Е.К. Лигачёва, уже в годы пребывания на посту генерального секретаря К.У. Черненко, в Политбюро ЦК КПСС была образована специальная комиссия для разработки мер по преодолению пьянства и алкоголизма, однако большинство членов выступило категорически против подобных мероприятий, учитывая их очевидные негативные последствия для бюджета страны¹⁰³. После прихода к власти в марте 1985 г. М.С. Горбачёва и назначения на руководящие должности в советском правительстве группы решительных приверженцев обновления и модернизации социалистической системы, становились очевидными грядущие изменения алкогольной политики советского руководства.

⁹⁸ ЦДНИ ТО. Ф. 5433. О. 26. Д. 19. Л. 12.

⁹⁹ Gorbachev's Campaign Against Alcohol... P. 13. URL: <https://www.cia.gov/library/index.html> (дата обращения 11.01.19).

¹⁰⁰ Рис Н. Русские разговоры: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М., 2005. С. 132.

¹⁰¹ Gorbachev's Campaign Against Alcohol... P. 11. URL: <https://www.cia.gov/library/index.html> (дата обращения 11.01.19).

¹⁰² Шубин А.В. От застоя к реформам. СССР в 1977-1985 гг. М., 2000. С. 467.

¹⁰³ Лигачёв Е.К. Загадка Горбачёва. Новосибирск, 1992. С. 86.

1.2 Разработка и принятие антиалкогольной стратегии: политические предпосылки и идеологические ориентиры

В научно-исследовательской литературе антиалкогольная кампания считается первым мероприятием в рамках политики перестройки. Продолжая кампанию по укреплению трудовой дисциплины, начатую ещё Ю.В. Андроповым, новый генеральный секретарь, по мнению некоторых авторов, пытался использовать меры по борьбе с пьянством и алкоголизмом в качестве индикатора прочности собственных политических позиций¹⁰⁴. Инициирование кампании по борьбе с пьянством и алкоголизмом осуществлялось в контексте общих дискуссий о необходимости начала структурных экономических реформ. О принципиальной заинтересованности нового советского руководства, и, в частности, М.С. Горбачёва, в скорейшем осуществлении трезвеннических мер писал в своём дневнике ближайший помощник по международным делам А.С. Черняев. «Горбачев говорил, - писал Черняев, - что речь идет не только о главной социальной проблеме настоящего времени, а о биологическом состоянии народа, о его генетическом будущем»¹⁰⁵.

А.В. Шубин, задавшись вопросом о том, почему в качестве одного из первых крупных политических акций перестройки была выбрана беспрецедентная попытка искоренения пьянства, предположил, что антиалкогольная кампания могла восприниматься новым советским руководством как политический компромисс, который «укладывался в русло политики укрепления дисциплины, а не перестройки хозяйственного механизма»¹⁰⁶. В результате, для осуществления попыток модернизации экономики, в дискурсе нового советского руководства была подготовлена идея о повышении морального облика советского субъекта путём его нравственного оздоровления. Антиалкогольная стратегия в этой ситуации выступала для нового поколения реформаторов наиболее прагматичным практическим действием, прямолинейное исполнение которой, в свою очередь, могло бы способствовать формированию массовой базы сторонников нового курса оздоровления советского общества.

Если отталкиваться от этой точки зрения, то можно заметить, что неслучайно после избрания на пост генерального секретаря М.С. Горбачёва, новоиспечённый руководитель Секретариата ЦК Е.К. Лигачёв фактически стал вторым человеком в партии, и, наряду с М.С. Соломенцевым, основным проводником идеи о необходимости начала массовой антиалкогольной кампании. Представители нового советского руководства, не связанные с

¹⁰⁴ Багдасарян В.Э. Трезвость – норма перестройки // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2012. С. 464.

¹⁰⁵ Черняев А.С. Совместный исход (Дневник двух эпох. 1972 – 1991 гг.). 1985 год. М., 2008. С. 31.

¹⁰⁶ Шубин А.В. От «застоя» к реформам. М., 2000. С. 628.

работой в хозяйственных отраслях, вырабатывали собственные дискурсивные стратегии по алкогольному вопросу, которые были способны продемонстрировать разрыв с аморальными пережитками прошлого. Показательно, что различные оппонирующие стороны в процессе разработки антиалкогольной стратегии в своих мемуарах воспроизводили идентичные воспоминания о желании реформистов подвергнуть критике безнравственный характер предшествующей социальной политики в отношении алкогольной проблемы.

«В четверг Лигачев собирал всех заведующих и замов аппарата – писал 18 мая 1985 г. в своём дневнике А.С. Черняев, - Предупредил, что завтра будут опубликованы постановления и указы об алкоголизме и пьянстве. Говорил очень строго. Мол, 12 лет назад начали было, но тут же постановили увеличить производство водки, а на всякие безобразия смотрели сквозь пальцы. «Больше так не будет! Не будет! Не те времена наступили... (помедлил), - как и во всех других отношениях»...»¹⁰⁷.

Разработка антиалкогольной стратегии началась почти сразу же после прихода к власти М.С. Горбачёва, так, уже 4 апреля 1985 г. состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, главной повесткой которого являлась подготовка мер по преодолению пьянства и алкоголизма. На этом заседании были высказаны первые оппонирующие позиции, касательно осуществления антиалкогольных мер. В частности, представители хозяйственных отраслей предупреждали о том, что резкое сокращение производства спиртных напитков неизбежно приведёт к дисбалансу между ростом доходов населения и их товарным покрытием. «Здесь предлагается ежегодное сокращение производства водки и других ликеро-водочных изделий на 30 млн.дал, - отмечал первый заместитель председателя Госплана СССР Л.А. Воронин, - низкосортных крепких виноградных вин на 20 млн.дал, плодово-ягодных вин на 45 млн.дал. Причем в течение 1985-1987 гг. намечается полностью прекратить выпуск плодово-ягодных вин. Я хотел бы доложить, что если такое сокращение производства спиртных напитков будет произведено, то нам буквально нечем будет отоваривать деньги, находящиеся на руках населения»¹⁰⁸.

После озвучивания идей о необходимости введения «сухого закона», в высшем партийном руководстве сложилась группа оппонентов, неформально возглавляемая членом Политбюро ЦК КПСС, впоследствии назначенным Председателем Совета Министром Н.И. Рыжковым. Не принимая во внимание идею морального «оздоровления» советского человека, повышения его нравственного облика, группа консервативно настроенных

¹⁰⁷ Черняев А.С. Совместный исход (Дневник двух эпох. 1972 – 1991 гг.). 1985 год. М., 2008. С. 29.

¹⁰⁸ Стенограмма Заседания Политбюро ЦК КПСС 4 апреля 1985 г. об антиалкогольной кампании [Электронный ресурс] // National Security Archive. [б.д.]. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Perestroika/1985.04.04%20Politburo%20Session%20on%20AntiAlcohol%20Campaign.pdf (дата обращения 14.02.19).

представителей хозяйственных отраслей, предупреждали инициаторов антиалкогольной кампании о возможных негативных изменениях конкретных экономических показателей. Так, подобные опасения нашли своё отражение в воспоминаниях Н.И. Рыжкова: «Я сказал, что путь, предложенный уважаемыми товарищами Лигачёвым и Соломенцевым, считаю тупиковым, что страну ведут напрямик к принятию «сухого закона», который, как известно из новейшей истории никогда и нигде ни к чему толковому не привёл. <...> Резко я говорил, и что с того? Хотите встречные аргументы? Пожалуйста! Рыжков не понимает важности момента. Рыжков не чувствует, что время требует поступков, а не разговоров. Рыжков не осознает ситуации, когда нравственную атмосферу в стране надо спасать любыми методами. Рыжков печется об экономике, а не о морали. Ну, еще что-то накидали, всего не упомяну. Горбачев тогда активно поддержал борцов с пьянством, его сильно беспокоила «нравственная атмосфера»¹⁰⁹. Помимо этого, сторонники внедрения сухого закона настаивали на том, что уменьшение производства и продажи спиртных напитков позволит обеспечить сокращение потери рабочего времени, случаи хулиганства, будет способствовать повышению производительности труда. Инициаторы принятия антиалкогольных мер неоднократно отмечали, что разработка и принятие «сухого» закона на тот момент являлись жизненно необходимыми политическими действиями нового руководства страны. «Так или иначе, - вспоминал Е.К. Лигачёв, - не обращать внимания на бесчисленные письма, на громкий стон народа было уже невозможно. Без отрезвления народа невозможно было вести общественные преобразования»¹¹⁰.

Также необходимо выделить то, что в позднесоветской культурной политике подчёркивалась тенденция к нарастанию «антикультурных» элементов, находящихся за пределами общения советских людей в семейном кругу, ключевым из которых, являлось пьянство¹¹¹. Соответственно, несмотря на усилия учреждений культуры, практики поведения, выходящие за пределы нормативно одобряемых форм времяпрепровождения, носили коннотации, связанные с явной несовместимостью с социалистической системой культурных ценностей. Воспоминания и дневники партийных, государственных руководителей демонстрируют попытки создания новым советским руководством политического нарратива, предусматривавшего необходимость морального оздоровления и «отрезвления» советского общества, практическим олицетворением чего, по замыслу реформаторов, должны были стать антиалкогольные меры. В какой-то степени, начиналась активная работа в области моральной инженерии, когда перестроечному поколению, равно

¹⁰⁹ Рыжков Н.И. Перестройка: история предательства. М., 1992. С. 95.

¹¹⁰ Лигачёв Е.К. Предостережение. М., 1999. С. 211.

¹¹¹ Куренной В.А. Советский эксперимент строительства институтов // Время, вперёд! Культурная политика в СССР. М., 2013. С. 33.

как и тридцать лет назад предписывались определённые поведенческие указания, отталкиваясь от которых, было важно покончить с главными пережитками прошлых лет. Именно поэтому важнейшим идеологическим ориентиром антиалкогольной кампании являлась революционная окраска проводимых мер, трансформирующие «человеческий фактор» в нужную сторону, отличной от духовно-нравственного контекста предыдущей эпохи. «Немаловажное значение мы придаем вопросам оздоровления духовной сферы, сферы культурной, моральной атмосферы в обществе, - отмечал М.С. Горбачёв, - Поэтому мы ведем бескомпромиссную борьбу со всякими негативными явлениями, злоупотреблениями должностных лиц, с явлениями преступности, аморального поведения, с нарушениями дисциплины, порядка, с пьянством. Все общество активно участвует в этом. *Идет борьба нового со старым* (курсив наш – М.Г.)¹¹².

Инициирование масштабной антиалкогольной кампании в этой связи было бы неправильно сводить к действиям и политической мотивации единоличного автора в лице генерального секретаря. В формировании нравственных ориентиров надвигающихся преобразований сыграл немаловажную роль другой фактор. Представители нового поколения советской политической элиты являлись потребителями и обитателями оттепельного дискурса о построении светлого коммунистического будущего, в связи с чем специфический поколенческий опыт «шестидесятников» сыграл значительную роль в инициировании первых перестроечных мероприятий. Конечно, индивидуальный опыт перестроечных деятелей был специфичным, однако то, что они воспитывались в едином дискурсивном пространстве, предлагавшее единую модель интерпретации реальности влияло на общий разделяемый опыт¹¹³. Соответственно, решение осуществления перестроечных реформ и их обличение моральными дискурсивными стратегиями проистекало из глубокого желания осуществления социалистических идей и возвращения к воображаемым революционным идеалам¹¹⁴.

В то же время выработанные дискурсивные стратегии имели свои отличительные черты от идеологических концептов оттепельного времени. Высказывания и выступления нового советского руководства во главе с М.С. Горбачёвым, относительно проблемы советского пьянства, отразившиеся в антиалкогольных постановлениях, могут являться ярким примером начала существенных изменений в структуре идеологического советского дискурса. Смысловая модель этих текстов начиналась с привычного воспроизводства

¹¹² Горбачёв М.С. Избранные речи и статьи. Т. 4. М., 1987. С. 215.

¹¹³ Уль К.Б. Поколение между «Героическим прошлым» и «Светлым будущим»: роль молодежи во время «Оттепели» // Антропологический форум. 2011. №15. С. 320.

¹¹⁴ Коткин, С. Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970 – 2000. М., 2018. С. 38.

замкнутой логической структуры авторитетного дискурса¹¹⁵, подразумевавшей, что высказывания, касавшиеся проблем пьянства и алкоголизма, начинались с перечисления социально-экономических последствий этого явления, которые было необходимо преодолеть. К примеру, в привычной и стандартизированной форме говорилось о необходимости соблюдения «принципов коммунистической морали и нравственности, преодоления вредных привычек и пережитков, прежде всего такого уродливого явления, как пьянство, злоупотребление спиртными напитками»¹¹⁶.

Однако после этих фраз говорилось о несостоятельности прежних попыток искоренения пьянства, о необходимости коренной трансформации социальной политики в отношении алкогольной проблемы. «Намечавшиеся ранее меры по устранению пьянства и алкоголизма, - отмечалось в майском постановлении, - осуществляются неудовлетворительно. Борьба с этим социально опасным злом ведется кампанейски, без необходимой организованности и последовательности. Недостаточно скоординированы в этом деле усилия государственных и хозяйственных органов, партийных и общественных организаций»¹¹⁷.

Для более убедительной демонстрации намерений советского руководства, в публичном пространстве обрели легитимность попытки обсуждения и комментирования алкогольной тематики и беспрецедентной трезвеннической стратегии. По мнению Стивена Коткина, в первые годы перестройки для нового советского руководства было особенно значимым напрямую обращаться к рядовым членам партии, интеллигенции и рабочему классу для обеспечения поддержки будущим преобразованиям с целью предупреждения возможного пассивного сопротивления им в ЦК, центральных министерствах, союзных республиках и регионах¹¹⁸. Соответственно, советское руководство в лице М.С. Горбачёва заявило, что возможности решения социально-экономических трудностей позднесоветского общества, одной из которых, несомненно, была алкогольная проблема, могут скрываться в предоставлении трансляции мнений различных специалистов, не имеющих прямого отношения к партийному руководству. Так, важную координирующую роль в процессе дискуссий о необходимости введения антиалкогольных постановлений играли ученые Академии наук, выражавшие полную поддержку и одобрение властных инициатив. Группа учёных Новосибирского отделения Академии наук отправило руководству страны письмо, в котором сообщалось о том, что к 1980 г. в СССР среднестатистическое потребление алкоголя было

¹¹⁵ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 453.

¹¹⁶ Красное знамя (Томск). 17 мая. 1985. № 115. Л. 1.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Коткин, С. Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970 – 2000. М., 2018. С. 64.

в 3 раза больше, чем в царской России в начале века¹¹⁹. По мнению хирурга Ф.Г. Углова, потребление спиртных напитков в СССР на душу населения составляло 17-18 литров, тогда как средний мировой уровень выражался цифрой в 5 литров¹²⁰.

А. Юрчак полагает, что легитимация публичных мнений на уровне неавторитетного дискурса, вводившаяся советским руководством с целью модернизации социалистической системы, на самом деле создавала потенциальный разрыв самой структуры авторитетного дискурса, поскольку новые ответы могли производиться на совершенно ином уровне, не имеющего никакого отношения к партийному знанию. Подобная ситуация означала, что впервые с начала 1950-х гг. вводился идеологический метадискурс, способный извне комментировать и публично оценивать авторитетный дискурс на языке, который мог в корне отличаться от партийного языка¹²¹.

Соответственно, можно заметить явные изменения в дискурсе советского руководства относительно производства и распространения спиртных напитков. Прежние антиалкогольные инициативы государства предусматривали пропагандистское осуждение злоупотребления спиртными напитками, но, тем не менее, признавали его культурно-семиотическую значимость для советского общества (в чём, очевидно, проявлялся финансовый интерес государства). Предпринятые до 1985 г. попытки пропагандистских кампаний против злоупотребления крепкими напитками не только не меняли представлений об этом социальном явлении, но порой и усиливали распространение форм и практик пьянства в позднесоветской реальности. Несомненно, беспрецедентный характер новой антиалкогольной кампании был связан с негативными социально-демографическими последствиями неуклонного роста потребления алкоголя, наносившие существенный экономический урон, данные о котором не могли не волновать представителей советского руководства. В то же время, различные эго-документы бывших политиков ярко демонстрируют то, что инициирование масштабной по своему характеру антиалкогольной кампании было неуклонно связано с общим официальным дискурсом о необходимости скорейшего реформирования социалистической системы. В этом контексте кампания по борьбе с пьянством может восприниматься как политическое решение, соответствующее общим идеологическим ориентирам перестроечной стратегии, и демонстрирующее непоколебимую готовность к масштабным социально-политическим изменениям в среде нового советского руководства. Данный тезис также подтверждается тем, что антиалкогольные меры были предметом партийных высказываний, организация которых, по

¹¹⁹ Шубин А.В. От «застоя» к реформам. М., 2000. С. 630.

¹²⁰ Багдасарян В.Э. Трезвость – норма перестройки // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2012. С. 469.

¹²¹ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2017. С. 573.

мнению некоторых социальных исследователей, являлась одним из факторов деконструкции всего советского дискурсивного режима.

Глава 2 Борьба с пьянством и алкоголизмом в Томске в контексте истории повседневности

2.1 Государственная антиалкогольная политика и повседневная жизнь г. Томска

Беспрецедентный по своим масштабам антиалкогольный проект нового советского руководства планировалось осуществить в динамичном темпе, не взирая на существование в недрах советской жизни пристрастия к потреблению алкоголя. Тем самым, сопряжение трезвеннических механизмов с конкретным повседневным опытом советского субъекта, может выступать в качестве примера такого процесса, при котором происходило явное нарушение повторяемости повседневных действий, одного из концептуальных аспектов изучения истории повседневности¹²². Попытка создания отрезвлённого субъекта проводилась советским государством при помощи своего богатого институционального потенциала, благодаря чему в этот процесс были активно включены практически все государственно-партийные органы. Важнейшие государственные институты оказывали существенное влияние на то, что объекты воздействия антиалкогольной кампании были окутаны разветвлённой системой механизмов, транслировавших основные трезвеннические установки.

В данном контексте жители Томской области, в сравнении с другими сибирскими регионами, быстрее всего ощутили воздействие антиалкогольной политики. «Однажды томичи проснулись и узнали, - вспоминал кандидат технических наук А.Я. Петров, - что отныне алкоголь будет продаваться только в трёх магазинах города и только после работы. Поскольку после отъезда Лигачёва в Москву вся его команда в Томске осталась при власти, то по его указанию во время кампании местная власть показывала пример всей стране в борьбе с алкоголизмом и «гайки здесь закручивали» наиболее жёстко»¹²³. Как отмечает П.Л. Нестеренко, замысел местного руководства заключался в установке на превращение Томской области в один из «абсолютно сухих регионов на территории СССР»¹²⁴, в связи с чем, здесь были отмечены более высокие темпы введения «сухого закона» и сжатые сроки его реализации. Так, уже 28 мая 1985 г. по итогам работы бюро Томского обкома КПСС был намечен комплекс наиболее важных мероприятий антиалкогольной направленности.

Необходимым ритуальным действием после принятия антиалкогольной стратегии стало проведение партийных, комсомольских и профсоюзных собраний в трудовых

¹²² Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 77.

¹²³ Петров А.Я. Воспоминания об антиалкогольной кампании [Электронный ресурс] // Личный блог автора. [Томск], 2013. URL: <http://amator.almysh.com/?p=398> (дата обращения 03.03.19).

¹²⁴ Нестеренко П.Л. Основные направления, ход и первые итоги антиалкогольной кампании в Томске и Томской области (1985 г.) // Вестник ТГПУ. 2014. №3. С. 47.

коллективах, студенческих общежитиях, посвященных обсуждению борьбы с пьянством. В газетных передовицах привычным образом осуществлялся стандартизированный процесс воспроизводства и копирования формулировок, подчеркивавших то, как «трудящиеся одобряют и активно поддерживают намеченные партией и правительством меры по преодолению пьянства и алкоголизма». В то же время на первых собраниях в трудовых коллективах, одобрение антиалкогольной кампании среди рабочих не было всеобъемлющим. «В целом нас поддерживали, – отмечал первый секретарь Шегарского райкома КПСС А.П. Масалыкин, – Хотя были и такие, кто не верил в то, что прекращение продажи вина и водки что-то изменит в нашей жизни. Другие не представляли себе, как быть с устоявшимися традициями»¹²⁵.

Была запрещена продажа спиртного в обычных, неспециализированных магазинах и отделах, а также «вблизи производственных предприятий и строек, учебных заведений, общежитий, детских учреждений, больниц, санаториев, домов отдыха, вокзалов, пристаней и аэропортов, культурных и зрелищных предприятий, в местах массовых гуляний и отдыха трудящихся»¹²⁶. Подробная разработка административно-запретительных мер приводила к тому, что в городском пространстве, по замыслу реформаторов, практически не должно было остаться мест продажи спиртного. Так, уже к лету 1985 г. численность винно-водочных магазинов в Томске уменьшилась с 95 до 11¹²⁷. Вдобавок к этому, были установлены новые правила продажи алкогольной продукции и нормы – 2 бутылки в одни руки после 14 часов дня (до этого винные магазины работали с 11 утра в будни и выходные дни), была запрещена продажа спиртных напитков в воскресные дни, а томской милицией активно усиливалась охрана общественного порядка на улицах¹²⁸.

Предсказуемым эффектом резкого запрета на продажу спиртного стало обратно пропорциональное нарастание магазинных очередей, оставившее яркий оттенок в памяти рядовых томичей. Феномен очереди как один из наиболее устойчивых элементов советской повседневности не раз привлекал внимание социологов и фольклористов, подчёркивавшие особенную и специфичную роль этого явления в жизни советского человека. К примеру, К.А. Богданов заметил, что помимо упоминаний об очередях как кодах советской повседневности, этот феномен имеет взаимосвязь с символическими репрезентациями советской идеологии, пестрящая метафорами пути и очередности¹²⁹. Последние, в свою очередь, определяют один из важнейших компонентов советской идеологической доктрины,

¹²⁵ Полгода без винных прилавков // Красное знамя (Томск). 1986. № 4. 5 января. С. 2.

¹²⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988). Т. 15. М., 1989. С. 25.

¹²⁷ ЦДНИ ТО. Ф. 607. О. 31. Д. 296. Л. 20.

¹²⁸ ЦДНИ ТО. Ф. 5217. О. 34. Д. 94. Л. 31.

¹²⁹ Богданов К.А. Советская очередь: социология и фольклор // Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2015. С. 339.

связанный с предсказуемой ориентацией советских людей на будущее, для приближения которого и требуются навыки терпения и ожидания. Однако нас интересует то, каким образом пропагандистские идеалы трансформировались и адаптировались в условиях повседневного освоения новых рамок потребительского поведения.

Итак, очереди у винных магазинов активно становились неотъемлемым элементом городской повседневности и местом сбора пьющих советских граждан, несмотря на неоднократные попытки усиления антиалкогольной пропаганды со стороны местных властей. Например, одним из методов снижения роста алкогольных очередей была попытка искоренения их наиболее постоянных посетителей. С этой целью создавались инициативные группы из числа партийного, депутатского, профсоюзного и комсомольского актива, наркологических служб, членов общества борьбы за трезвость «для выявления и индивидуальной работы с «завсегдатаями» очереди»¹³⁰.

В различных по своему построению нарративах о походах в магазин часто встречается форма героического повествования – в общем контексте продовольственного кризиса и начавшейся борьбы с пьянством и алкоголизмом для успешного завершения посещения магазина требовалось достаточное количество выносливости, хитрости и изобретательности. «Для нас, молодых пацанов, - вспоминал художник-оформитель Вячеслав, - это было скорее как приключение, уже не пойдёшь в магазин и купил водки как сейчас. Тогда были битвы у магазинов, дикие толпы, по головам ходили натурально. Толпа стояла так плотно, что когда счастливчик уже отоваривался, назад выйти не мог, потому что шёл по плечам и головам»¹³¹.

Рост очередей в винных магазинах неминуемо приводил к ухудшению эмоционального состояния её участников, в связи с чем, учащались драки и возникали постоянные давки. Негативная энергия, накапливавшаяся в очередях в условиях общего продовольственного кризиса, нередко являлась источником разных форм хулиганства. Характерный случай произошёл 25 июля 1987 г. в магазине на Новосибирской улице, когда не дождавшись привоза винных напитков, стоявшие в очереди разъярённые люди, «закрыли продавцов в магазине с требованием продать им вина»¹³². Трудно не согласиться с мнением К.А. Богданова о том, что если стояние в очереди оказывается бессмысленным и её участники не достигают поставленных целей, то такая ситуация неизбежно приведёт к конфликту, к которому люди, стоявшие в алкогольных очередях заранее готовы¹³³. Советская

¹³⁰ ЦДНИ ТО. Ф. 80. О. 12. Д. 18. Л. 22.

¹³¹ Интервью с художником Вячеславом. Приложение А.

¹³² ЦДНИ ТО. Ф. 80. О. 12. Д. 160. Л. 28.

¹³³ Богданов К.А. Советская очередь: социология и фольклор // Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2015. С. 342.

очередь в своей ритуальной форме может восприниматься в качестве особенной ситуации, когда в ограниченном пространстве городские обыватели использовали материальные претензии, объединявшие их едиными структурными механизмами целеполагания. Соответственно, основной причиной готовности к конфликту заключалась в необходимости соблюдения неких единых и правильных для всех участников моделей поведения, предполагавшие, в первую очередь, соблюдения правил справедливости.

Именно поэтому те, кто пытался использовать различные алгоритмы для того, чтобы обойти очередь, незамедлительно подвергались наказанию. К примеру, М.Ф. Шерстобоева, возглавлявшая в 1985 году отдел планирования на перепрофилированном заводе «Томское пиво» (в 1987 г. предприятие было переименовано в «Завод прохладительных напитков») вспоминала, как по просьбе родственников пыталась приобрести несколько ящиков пива у грузчиков пивного магазина. «Он довез ящики до магазина, - вспоминала Мария Фёдоровна, - выгрузил, там же сразу купил мне, сколько нужно, и повез обратно. Минут через 5–7 появляются два милиционера и конфискуют все мое пиво. Мол, начальник планового отдела злоупотребила своим служебным положением... А как? Я же его не украдала, я на собственные деньги купила»¹³⁴.

Подрыв повседневной безмятежности магазинных очередей, накал потасовок усиливал общее неодобрительное отношение к представителям партийной номенклатуры, владевшие обходными путями на пути к покупке спиртного. К примеру, рабочий Томского ЛПК в письме к высшему руководству страны от 12 декабря 1987 г. обратил внимание на существование тайной инициативы первого секретаря обкома В.И. Зоркальцева о создании спецраспределителя, предназначенного для снабжения дефицитными товарами партийных функционеров¹³⁵. В то же время современники вспоминали: «Центр города, власть предержавшие тоже люди, у них тоже всякие праздники и заморочки, им тоже нужен алкоголь. Естественно давиться в очереди с простыми смертными они не будут, поэтому сбоку от очереди за кордоном милиции всегда была небольшая толпа блатных». Здесь выражалось символическое выражение властных полномочий, являвшееся одним из ключевых факторов, задававших тон социальных отношений и конфликтов в перестроечной очереди.

Соответственно, культурно-семиотическая роль спиртного в повседневности советского человека, его нередкое использование в качестве валютного эквивалента приводили в годы функционирования сухого закона к явной пестроте и социальному

¹³⁴ Цит. по: 75 лет томской промышленности. «Томское пиво»: как прусский бизнесмен создал завод в Сибири [Электронный ресурс] // Томский обзор. [Томск], 2016. URL: <https://obzor.westsib.ru/article/502405> (дата обращения 27.02.19).

¹³⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 5217. О. 34. Д. 122. Л. 130.

многообразию алкогольных очередей. Несмотря на программные заявления инициаторов антиалкогольной кампании о необходимости нравственного и морального оздоровления советского общества¹³⁶, достаточное количество творческой и научной интеллигенции также не могло отказаться от покупки и потребления спиртного. Подобное противоречие вызывало удивление и тревогу у региональных проводников антиалкогольных идей, организаторов рейдов и проверок очередей, в одной из которых представители местного клуба книголюбов предприняли попытку описания социального состава людских скоплений у винных магазинов. «Очереди за спиртным не к лицу Томску – городу высокой культуры ... Вся шпана, все тунеядцы, живущие сдачей собранной в кустах стеклотары, - тут. Что более всего поразило нас – это пребывание в очереди представителей интеллигенции. Уверяем, что видели, как ни странно, и педагога из ПТУ, и научного сотрудника, и представителя нашей художественной интеллигенции, и даже врача. Как должно быть стыдно стоять в очереди интеллигентному человеку за предметом своей – увы – столь несимпатичной страсти!»¹³⁷. Неслучайно многие посетители винных магазинов не собирались идентифицировать себя с алкоголиками, признавая спиртное важным связующим элементом в сети неформальных микроэкономических отношений. «В нашем городе купить вино стало трудно – в субботу простоял за бутылкой полтора часа! Я не пьяница, вино появляется за нашим столом лишь в дни рождения и на Новый год. Водку держим в доме только как «а.з.» - аварийный запас, предназначенный для слесаря или сантехника на случай бытовых неполадок. Почему же из-за алкашей должны страдать мы, порядочные люди?»¹³⁸.

Накал эмоционального напряжения магазинных очередей времён антиалкогольной кампании зачастую вызывал чувства материальной и моральной взаимопомощи между её участниками и формировал особенное эмоциональное состояние братства, равенства, символического уравнивания статусов¹³⁹. Томский учёный А.Я. Петров вспоминал опыт взаимодействия в винных очередях: «И вот что интересно, общая беда объединяла всех, что невозможно было и помыслить в других условиях. Совершенно незнакомые друг другу люди спокойно одалживали без разговоров деньги на вторую бутылку коньяка, и я не помню случая, чтобы самый последний алкаш на следующий день не принёс долг»¹⁴⁰. Соответственно, построение очереди как особой формы социальной организации на бытовом

¹³⁶ Стенограмма Заседания Политбюро ЦК КПСС 4 апреля 1985 г. об антиалкогольной кампании [Электронный ресурс] // National Security Archive. [б.д.]. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Perestroika/1985.04.04%20Politburo%20Session%20on%20AntiAlcohol%20Campaign.pdf (дата обращения 14.02.19).

¹³⁷ Кто в очереди за спиртным // Красное знамя (Томск). 1985. № 168. 15 июля. С. 2.

¹³⁸ Бутылка для сантехника // Красное знамя (Томск). 1985. № 187. 7 августа. С. 3.

¹³⁹ Тёрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 182.

¹⁴⁰ Петров А.Я. Воспоминания об антиалкогольной кампании [Электронный ресурс] // Личный блог автора. Томск, 2013. URL: <http://amator.almysh.com/?p=398> (дата обращения 03.03.19).

уровне порождала ситуацию равенства всех её участников, подчинявшихся соответствующим законам.

«Была обстановка «общей судьбы», - вспоминал другой томский преподаватель Виктор, - Это - очередь за спиртным, в которой какой-нибудь кандидат или доктор стоял с обычным работягой, и оба они, особо не чинясь, высказывались на эту тему достаточно откровенно. И эта общая судьба заканчивалась в тот момент, когда открывались двери магазина, когда очередь ломалась и все становились каждый за себя»¹⁴¹. Таким образом, обстановка «общей судьбы» могла означать особенный способ переживания опыта стояния в очередях, и формы такого удовлетворения насущной потребности не различались в зависимости от принадлежности к какому-либо социальному слою. Очередь в этом контексте могла выполнять значимую социальную роль, которая заключалась в воспроизводстве ситуации, когда между собой связаны идеологических партийные установки, выступавшие фактором обострения самой дестабилизации повседневного порядка, и одновременно с этим ощущаемые как свои, специфически советские переживания. Благодаря этому очередь за спиртным в годы антиалкогольной кампании вполне закономерно можно назвать "общим местом" коллективно значимого и переживаемого опыта, которая, помимо всего прочего, могла выполнять важнейшие ритуальные функции.

Ещё раз отметим, что пропагандистские механизмы антиалкогольной стратегии нового советского руководства приняли иную логику, в отличие от трезвеннических инициатив в годы позднего СССР. Если попытки борьбы с пьянством в конце 1950-х гг. и начале 1970-х гг. признавали культурную значимость потребления спиртного, то после 1985 г. в советском руководстве происходит осознание выходящего из-под государственного контроля огромных масштабов питейных практик. В соответствии с такой логикой, значительное количество пьющих советских граждан могло продолжать употреблять спиртное в частном пространстве и частных зонах, формально показывая своё одобрение и поддержку непопулярным мерам. Непосредственные причины отказа от полного принятия трезвого образа жизни, согласно партийной критике, таились в недостаточном влиянии привычных административно-дисциплинарных и пропагандистских механизмов на психологию отдельного советского гражданина. Например, в постановлении бюро Томского горкома КПСС о выполнении антиалкогольных мер в городе отмечался слабый характер воздействия индивидуальной работы с конкретными гражданами и социальными группами. «В деле борьбы с пьянством и алкоголизмом партийные организации, - отмечалось в постановлении, - трудовые коллективы стали допускать элементы самоуспокоенности, благодушия, ими недооценивается индивидуальная работа с лицами, подверженными

¹⁴¹ Интервью с преподавателем Виктором. Приложение А.

пьянству. Проводимая воспитательная антиалкогольная работа не доходит до конкретных лиц, подверженных пьянству, не учитывает дифференцированного подхода к различным группам населения – пенсионерам, женщинам и подросткам, рабочим, занятым тяжелым физическим трудом, особенно в маленьких коллективах, не несёт духа наступательности»¹⁴².

В первой половине 1980-х гг. в официальном советском дискурсе появляется критика феномена «двуличности» и «притворства», якобы распространившегося в комсомольской среде¹⁴³. Объектом партийной критики стал интерес к западной буржуазной культуре, принявший на рубеже десятилетий новую оболочку. По мнению партийных идеологов, низменные интересы советского гражданина теперь носили скрытый, личный характер, поскольку могли прятаться под маской комсомольского активиста. Пропагандистские механизмы антиалкогольной кампании использовали аналогичную логическую структуру критики пьянствующих комсомольцев и партийцев. Согласно такой модели, многие советские граждане, в том числе члены комсомола и партии, в публичном пространстве воспроизводили формальную лояльность трезвенническим мерам, однако в частной жизни тайно нарушали принятую линию на искоренение пьянства и алкоголизма. Подобная пропагандистская тактика ярко проиллюстрирована социальным плакатом «Богатое внутреннее содержание». В голове героя плаката, одетого в форменный костюм, по мнению художника, находятся мысли, связанные исключительно с пристрастием к разным спиртным напиткам, аккуратно располагающихся в его голове на трёх полках.

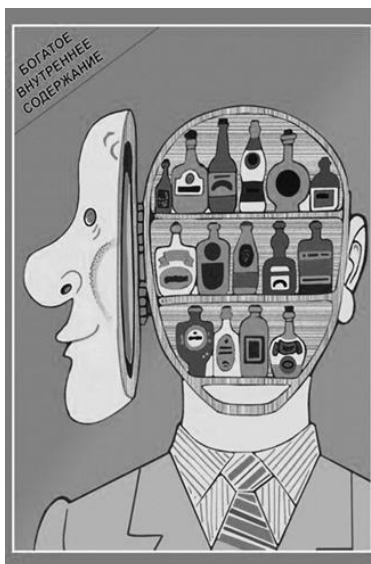

Рисунок 2. - Социальный плакат «Богатое внутреннее содержание» (1985 г.)¹⁴⁴.

¹⁴² ЦДНИ ТО. Ф. 80. О. 12. Д. 18. Л. 21.

¹⁴³ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 411.

¹⁴⁴ Антиалкогольный плакат «Богатое внутреннее содержание» [Электронный ресурс]. М., 1985. URL: http://anti-alcohol-poster.blogspot.com/2008/02/blog-post_2073.html (дата обращения 05.02.19).

Соответственно, в рамках новых пропагандистских алгоритмов, пьянство представало не только в качестве элемента повседневной жизни отдельно «опустившегося» субъекта, но и как что-то скрытое, не сразу заметное вооружённым взглядом. Такая тенденция, в частности, обнаружилась при обсуждении результатов проведённых антиалкогольных мер на одном из заседаний комиссии по борьбе с пьянством и обществ борьбы за трезвость Ленинского райкома Томска в мае 1988 года. «Пьянство приобрело в основном скрытый характер, - отмечалось на заседании, - что усугубляет его безнравственность. Искля тенденция к сокращению выпивок на производстве, появились тревожные сигналы об укрытии этих фактов»¹⁴⁵.

Так, активную деятельность получили комиссии по борьбе с пьянством, товарищеские суды и народные дружины. При участии таких общественных формирований, по всем основным предприятиям города началась практика резкого осуждения пьющих работников. Получили распространение практики публичного осуждения проступков отдельных оступившихся рабочих, влияние антиалкогольной пропаганды на которых ещё не повлияла должным образом. Подобные показательные процессы должны были содействовать окончательной выработке трезвеннических установок у остальных рабочих. В качестве основных мер наказания по отношению к нарушителям антиалкогольной дисциплины применялись лишение премий, сокращение зарплаты, перенос отпусков на зиму, исключение из профсоюзов. Газета «Красное знамя» передавала, как на рабочем собрании всех цехов Томского электролампового завода «более двух десятков любителей спиртного держали ответ перед товарищами»¹⁴⁶. Помимо этого, были внесены изменения в трудовой закон, повышавшие материальную ответственность рабочих, причинивших ущерб предприятию, находясь на рабочем месте в нетрезвом состоянии. К примеру, в январе 1986 г. цеховой комитет Томского завода резиновой обуви лишил премии и тринадцатой зарплаты электромонтера цеха электроснабжения Юрия с последующим переводом на нижеоплачиваемую работу за пребывание в медвытрезвителе¹⁴⁷.

Всестороннюю помощь и поддержку партийных органов начали получать динамично формировавшиеся трезвеннические общественные организации. В частности, главным организационным центром сторонников антиалкогольного курса стало созданное 25 сентября 1985 г. Всесоюзное общество борьбы за трезвости, где, по подсчётам С. Уайта, в течение трех лет образовалось 428 000 отделений и вступило около 14 миллионов членов¹⁴⁸.

¹⁴⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 5217. О. 34. Д. 94. Л. 33.

¹⁴⁶ Хроника наступления на пьянство // Красное знамя (Томск). 1985. 4 июля. С. 1.

¹⁴⁷ Хроника наступления на пьянство // Красное знамя (Томск). 1986. № 6. 8 января. С. 1.

¹⁴⁸ White, S. Russia Goes Dry: Alcohol, State and Society. NY, 1996. P. 143.

Практика выезда в рабочие коллективы, учебные учреждения с просветительскими целями, лекции, проводимые социологами, демографами, психологами, экономистами, правоведами, медиками, биологами вновь входит в практику профессиональной деятельности отечественной науки. На педагогов, учителей школ, профтехучилищ, преподавателей средних специальных и высших учебных заведений возлагалась особая ответственность за внедрение трезвости в сознание, жизнь подрастающих поколений¹⁴⁹.

Парадоксален тот факт, что, несмотря на более усиленный контроль общественного порядка со стороны милиции и активную работу различных трезвеннических общественных организаций, в первый год проведения антиалкогольных мер статистика преступлений, совершённых в нетрезвом состоянии только увеличилась с 28% до 40%¹⁵⁰. Заметим, что Томский регион в 1980-е гг. был одним из наиболее криминогенных регионов не только в Сибири, но и в целом по России. Так, в 1985 г. Томская область оказалась на седьмом месте в России по числу зарегистрированных преступлений в расчёте на сто тысяч населения, намного опережая своих региональных соседей (Кемеровская область – на 27 месте, Новосибирская – на 30-м)¹⁵¹.

Несмотря на распространённые практики игнорирования некоторых партийных установок, обложений, касавшиеся вопросов осуществления «сухого» закона, большая часть городских жителей были вынуждены хотя бы на формальном уровне воспроизводить собственную лояльность требованиям государственных органов. Однако в процессе повседневного освоения новых правил поведения при покупке и потреблении спиртных напитков, горожане зачастую могли демонстрировать многогранный и неоднозначный репертуар поведения. Формально следуя установленным поведенческим рамкам, потребители в тоже время могли действовать противоречиво по отношению к ним.

К примеру, в январе 1990 г. на имя Ленинского райкома КПСС поступило заявление жены закройщика объединения «Томскгоршвейбыт» Виктора С., который, также был выдвинут предприятием одним из кандидатов в народные депутаты. «Обращаюсь к вам в последнюю инстанцию, может вы сможете остановить этого человека от пьянки, остановить пьянку в «Томскгоршвейбыт», которая процветает уже много лет. Работает он там долго, считается на хорошем счету. Но на протяжении 30 лет нашей совместной жизни он постоянно пьёт, устраивает дома скандалы, мне ночью не раз приходилось убегать из дома от его придирок и оскорблений <...> Никто и ничто повлиять на него не может, или не хотят, т.к. на работе он хороший, и какой он дома никому нет дела. За последние два года он

¹⁴⁹ Карпова Г.В. «Выпьём за Родину!». Питейные практики и государственный контроль в СССР // Советская социальная политика, сцены и действующие лица, 1940 – 1985. М., 2008. С. 353.

¹⁵⁰ ЦДНИ ТО. Ф. 607. О. 31. Д. 296. Л. 21.

¹⁵¹ Томская область: Исторический очерк / Отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск, 1994. С. 604.

несколько раз побывал в вытрезвителе, но на работе об этом не сообщали, т.к. он слёзно просил начальника вытрезвителя не сообщать, так как он член партии и боится последствий и подрыва на работе своего авторитета. В вытрезвителях откупаются деньгами»¹⁵². Написание писем во власть довольно часто происходило из желания раскрыть свою семейную проблему перед властью, когда, к примеру, женщины обращались в местные партийные органы с целью стабилизации отношения с мужьями¹⁵³. В данной ситуации для нас важно то, как сквозь призму подобного нарратива раскрывается поведение конкретного рабочего, проявлявшего лояльность и доверие формально установленным антиалкогольным нормам на своём предприятии, одновременно нарушая их в частном пространстве. Подобное противоречие демонстрирует непредсказуемые варианты повседневных практик городских жителей в обстановке борьбы с пьянством.

В силу своего административного статуса, связанного с наличием в городе большого количества учебных заведений, Томск был выбран высшими партийными органами в качестве одного из центров борьбы с пьянством в студенческой и молодёжной среде¹⁵⁴. Одной из антиалкогольных мер, вызывавших особое недовольство молодых людей, стало повышение возраста покупки спиртных напитков с 18 лет до 21 года. «...Но почему же в армии нам можно служить с 18 лет, - жаловался в газету «Молодой ленинец» студент Владимир, - а водку пить нельзя - только с 21 года! Почему же так! Родину, значит, доверяют защищать, а вино пить не доверяют!»¹⁵⁵.

Возможному успеху отрезвления томских студентов, по мнению местных партийных идеологов, могло способствовать усиление эффекта привычных командно-административных мер. «За пять месяцев нынешнего года в медвытрезвитель попало 43 студента и только 12 исключены из комсомола, - отмечал в интервью газете «Молодой ленинец» первый секретарь Томского горкома ВЛКСМ С. Курочкин, - Не говорит ли это о недостаточной принципиальности комитетов комсомола! Вот это и настораживает. 26 студентам объявлены строгие выговоры с занесением в учетную карточку. Это строгая мера, но недостаточная. Любой факт распития спиртных напитков несовместим с пребыванием комсомольца в рядах союза»¹⁵⁶. В качестве наказания к пьянствующим студентам применялись такие меры как строгий выговор с занесением в учётную карточку, отчисление из университета, а также родителям иногородних нарушителей трезвеннических норм

¹⁵² ЦДНИ ТО. Ф. 5217. О. 34. Д. 122. Л. 29.

¹⁵³ Кимерлинг А.С. Письма во власть в позднюю сталинскую эпоху: интимное и политика // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 327.

¹⁵⁴ Нестеренко П.Л. Основные этапы, ход и итоги антиалкогольной кампании в Томске и Томской области (1985 г.) // Вестник ТГПУ. 2014. №3. С. 47.

¹⁵⁵ Можно – если осторожно? // Молодой ленинец (Томск). 1985. № 71. 15 июня. С. 2.

¹⁵⁶ Прогноз на завтра. Интервью с первым секретарем томского горкома ВЛКСМ Сергеем Курочкиным // Молодой ленинец (Томск). 1985. № 72. 18 июня. С. 1.

направлялись специальные письма с информацией об их неподобающем поведении. Так, в период 1985-1987 гг. только в одном инженерно-строительном институте за потребление спиртных напитков были исключены из комсомола и вуза 36 человек¹⁵⁷. Чувство недовольства и недоверия к ужесточению дисциплинарного порядка проживания в общежитии находит своё отражение в анонимном письме студента вышеупомянутого инженерно-строительного института: «Неужели студенты не могут выпить бутылку сухого вина на 15— 20 человек! <...> Вот и получается: чтобы не выселили из общежития, приходится студентам выпивать по углам. Все-таки мы не дети, и не такое уж преступление — выпить 100 граммов <...> А может, на самом деле студент — не человек! Я думаю, к моему письму присоединятся все студенты инженерно-строительного института»¹⁵⁸.

Приведём другой пример осуществления трезвеннической стратегии в студенческой среде. Анатолий, студент-геолог из Томского государственного университета в годы обучения зарекомендовал себя как ответственного и инициативного студента, возглавлял комсомольскую организацию своего факультета. В 1985 году он устроился работать в университетскую лабораторию, поступил в аспирантуру, был рекомендован кандидатом в члены КПСС¹⁵⁹ и, казалось бы, воспроизводил карьерный путь рядового советского студента и комсомольца. 6 февраля 1986 г. в университетской газете «За советскую науку» была опубликована статья, в которой рассказывалось о том, как Анатолий в пьяном виде был задержан милицейским патрулем и доставлен в медицинский вытрезвитель. «Уплатив штраф, - отмечалось в газете, - он покинул это заведение, но почему-то в полной уверенности, что этот инцидент не станет достоянием общественности»¹⁶⁰. Однако при дальнейшем выяснении обстоятельств случившегося было обнаружено, что во время обучения он был на грани отчисления за участие в драке и пристрастия к распитию спиртного. Несоблюдение трезвеннических установок способствовало тому, что партбюро факультета единогласно решило исключить Анатолия из кандидатов в члены КПСС «за появление в пьяном виде в общественном месте и *неискренность* (курсив наш – М.Г.)».

Интерпретация этого казуса, на первый взгляд, может сводиться к тезису о том, что комсомольский активист Анатолий наряду с энтузиазмом и инициативностью демонстрировал приверженность к явлениям, порочащим социалистический строй, в частности, к потреблению спиртного, в чём проявлялась одна из причин его наказания — «неискренность», проливавшая свет на его двуличное и притворное поведение. На такую же

¹⁵⁷ Болдышев А.Д. Комсомол Томского инженерно-строительного института и антиалкогольная кампания 1985-1987 годов // Вестник ТГПУ. 2014. №3. С. 39.

¹⁵⁸ Про овчинку и про выделку // Молодой ленинец (Томск). 1985. № 64. 30 мая. С. 3.

¹⁵⁹ Неоконченный детектив // За советскую науку (Томск). 1986. № 5. 6 февраля. С. 3.

¹⁶⁰ Там же.

деталь обратил внимание томский исследователь А.Д. Болдышев. Анализируя проведение антиалкогольной кампании в Томском инженерно-строительном институте, автор указал на противоречие, связанное с тем, что нарушители сухого закона являлись ответственными студентами, выполнявшие все заданные комсомольские поручения. «У них были определённые положительные черты, - отметил автор, - такие как наличие авторитета у товарищей и способность признавать свои ошибки на комсомольских собраниях групп»¹⁶¹.

Действительно, комсомольские и университетские организации, занимавшие роль проводников идей искоренения пьянства в студенческой среде, классифицировали провинившихся в употреблении спиртных напитков как людей, деяния которых не совместимы с пребыванием в студенческих и комсомольских рядах. При этом определении, конечно, не учитывались связи пьющих студентов с их внутренними ощущениями культурной идентичности и отношения к проводимой политике. Помимо этого, при вынесении наказания игнорировалось существование у студентов каких-либо личных достижений или доказательства того, что, за исключением некоторых случаев пьянства, провинившийся всё вполне адекватный студенческим реалиям образ жизни. Яркие примеры такого противоречия довольно активно демонстрировали местные периодические издания. В частности, 6 июня 1985 г. в газете «Молодой ленинец» сообщалось о происшествии в общежитии Томского политехнического института, когда там застали пьяным студента теплоэнергетического института Андрея. «Нет, он не дрался, не буянил, он тихо-мирно шел, шатаясь, правда, немного, и все пытался объяснить нам — ночью была тяжелая работа, хотелось расслабиться..., - передавалось в газете, - Тяжело сейчас Андрею. Окончил IV курс, впереди — последняя, преддипломная практика, впереди — диплом. Хороший, в принципе, парень, учился - без троек на субботниках работал — примером был для многих. А теперь полный крах»¹⁶². В конечном счёте, Андрей был отчислен из института, а бюро ВЛКСМ факультета ходатайствовало перед комитетом ВЛКСМ об исключении его из комсомола.

Учитывая то, что питейные практики являлись глубоким и устойчивым элементом советской повседневности, нарушение навязываемых антиалкогольных мер было бы опрометчивым сводить к полному несогласию с ними. Соглашаясь с Нэнси Рис, заметим, что, как ни парадоксально, именно модель трезвого и серьёзного мужчины, преобладавшая в официальном советском дискурсе, была популярной в качестве типа саморепрезентации. В данном контексте практики умеренного пьянства могли не восприниматься в качестве механизмов, нарушавших приверженность к семейным, трудовым и патриотическим

¹⁶¹ Болдышев А.Д. Комсомол Томского инженерно-строительного института и антиалкогольная кампания 1985-1987 годов... С. 39.

¹⁶² Не думал, не гадал он... // Молодой ленинец (Томск). 1985. № 67. 6 июня. С. 1.

идеалам¹⁶³. В связи с этим способность антиалкогольного дискурса и смежных с ним символических систем управлять повседневным восприятием и языковой практикой городского жителя представляется весьма сомнительной. Данная деталь подтверждает точку зрения, согласно которой говорящий и действующий человек всегда погружен в мир повседневного языка, за которым остается возможность творческого присвоения, практического перетолковывания авторитетного дискурса на основании конкретной формы жизни¹⁶⁴. Поэтому выглядит вполне логичным распространение скрытых и тайных от властных механизмов тактик потребления спиртного.

Однако именно эта тенденция вызывала наибольшую тревогу в среде местных проводников антиалкогольной стратегии, которые видели возможный успех своего проекта в дальнейшем усилении конфигурации дисциплинарных механизмов. «Пьянство с улиц, общественных мест уползло в семьи, общежития, гаражные и погребные кооперативы, - отмечалось на заседании комиссии по борьбе с пьянством и обществ борьбы за трезвость Ленинского райкома Томска, - Именно здесь его последний и пока ещё прочный рубеж, который атакуется, к сожалению, недостаточно активно и умело. Сюда же переместились в большей мере и семейный дебошир и семейно-тихий пьяница, и спекулянт спиртным, и забулдыга-организатор попок собутыльников»¹⁶⁵. Подобная позиция местных партийных деятелей могла быть связана с особым характером функционирования авторитетных высказываний в позднесоветский период, предполагавший четкое следование его внешней форме при одновременном смещении его констатирующего и буквального смысла¹⁶⁶. В конце концов, уже в 1988 году местные партийные органы были вынуждены признать, что осуществление антиалкогольных мер в Томске не дало положительных результатов. «В 1987 году, - отмечал заведующий отделом Томского горкома КПСС Ю. Сухоплюев, - по сравнению с 1986 годом увеличилось на 3030 человек количество лиц привлечённых к ответственности за нарушение антиалкогольного законодательства, на 2764 человека возросло количество лиц, содержащихся в медвытрезвителе. На 12 % произошёл рост количества преступлений, совершенных в пьяном виде, не сокращаются очереди у винных магазинов»¹⁶⁷.

Представляется важным отметить один несомненный, на наш взгляд, аспект: государственно-административные меры по преодолению пьянства в советском обществе предполагали вмешательство в частные образы жизни и жизненные планы отдельных

¹⁶³ Рис Н. Русские разговоры: культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М., 2005. С. 133.

¹⁶⁴ Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008. С. 196.

¹⁶⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 5217. О. 34. Д. 94. Л. 33.

¹⁶⁶ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. М., 2014. С. 566.

¹⁶⁷ ЦДНИ ТО. Ф. 80. О. 12. Д. 18. Л. 10.

граждан. Вероятно, принимая морально-нравственную составляющую антиалкогольной стратегии нового советского руководства, большинство городских обывателей не собиралось принимать трезвый образ жизни во всей его полноте. По мнению немецкого социального историка А. Людтке, любая попытка изменения или ликвидации государством социальных явлений, играющих значение в повседневной жизни индивида при помощи ограничивающих дискурсов и различных символических форм, открывает новые возможности для изменения прежних практик, а порою и помогает создавать новые тактики поведения. Поэтому было бы ошибочным полагать, что недостаточное принятие трезвеннических стратегий городскими обывателями было связано с их прямым недовольством (или пассивным несогласием) по отношению к организованной антиалкогольной кампании. Соответственно, трудно согласиться и с теми исследовательскими моделями, в которых позднесоветская повседневность подразделяется на публичную и приватную сферы, где одна регулируется законными рамками, а другая – неписаными культурными соглашениями. Разнообразные по своему характеру примеры социальных действий обывателей в годы борьбы с пьянством показывают, что множество повседневных практик могли регулироваться разными механизмами этих двух сфер одновременно. Этот фактор позволяет говорить о несостоятельности безличных механизмов регламентации повседневной жизни пьющего советского человека, недооценивавшие потенциал неорганизованных творческих практик, проявлявшие себя параллельно любым усилениям властных механизмов.

2.2 Формы и практики адаптации городских обывателей

В этом параграфе речь пойдёт о таких практиках, посредством которых городские обыватели, являвшиеся главным объектом воздействия антиалкогольных мер, реагировали на это воздействие, адаптировались к нему и извлекали в существовавшем контексте собственные выгоды. На первый взгляд, подобные действия могут носить второстепенный характер по отношению к масштабному по своей морально-нравственной составляющей антиалкогольному проекту нового советского руководства. Однако, проанализировав те приёмы и методы, с помощью которых обыватели выражали уверенность в собственных силах, становится понятно, что практики потребления спиртного в контексте функционирования «сухого» закона являлись не просто фоном государственной кампании, а особым практическим знанием, противопоставляемое организованному воздействию власти.

По словам исследователя практик повседневной жизни М. д. Серто, громогласному и бросающемуся в глаза производству соответствует другое производство, называемое «потреблением». Не до конца осознанное и невидимое, ибо не демонстрирует себя в собственных продуктах, оно проявляет себя через способы употребления продуктов, налагаемых доминирующим порядком. Подобные алгоритмы составляют производство, скрытое в потреблении, присваивание чужого пространства и чужой собственности¹⁶⁸. В этой связи под практиками понимается то, что де Серто называет «искусством делания», реализация творческой составляющей обывательского поведения в повседневных действиях, состоящая в комбинировании и сочетании, имитации и пространственном маневрировании для присвоения части утраченных прав или свобод¹⁶⁹.

Одна из форм практического перетолковывания трезвеннических стратегий заключалась в невербальном видоизменении нового формата воспроизводства ритуальных практик. Известно, что одним из характерных антиалкогольных мероприятий было изменение устоявшихся форм переходных обрядов, значимым элементом которых являлось спиртное. Речь идёт, прежде всего, о свадебных торжествах, проводах в армию, а также традиции университетской среды, связанной с защитой выпускных работ и диссертаций. Один из преподавателей Томского государственного университета в устных воспоминаниях подтверждал особую роль спиртного в подобных мероприятиях. «Конечно, - вспоминал Виктор, - банкет после защиты диссертации – это святое, и учёный совет очень на него рассчитывал, и, человек который защищался, знал, что недостатка в спиртном быть не

¹⁶⁸ Серто Мишель де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб., 2013. С. 113.

¹⁶⁹ Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008. С. 196.

должно»¹⁷⁰. В этой связи важно подчеркнуть мнение петербургского исследователя Н.Б. Лебиной, которая справедливо заметила, что отрицание роли употребления алкоголя для различных ритуальных действий «нарушает его знаковую завершенность и меняет, а нередко и принижает его смысл, что неизбежно ведет к подвижкам в ментальности населения»¹⁷¹.

Итак, на основании выполнения майских постановлений советского руководства, томскому горторготделу совместно с горкомом комсомола было поручено внести предложения по лучшему использованию кафе, ресторанов, столовых для проведения безалкогольных мероприятий, тематических вечеров, дней отдыха для молодёжи и семейных развлечений¹⁷². Для подчёркивания успехов борьбы за трезвость наиболее серьёзным переменам подверглись свадебные празднования. С этой целью при Томском горисполкоме была создана специальная обрядовая комиссия, которая занималась пропагандой и созданием безалкогольных свадеб¹⁷³.

Городские обыватели незамедлительно выработали тактики скрытого потребления спиртного, тем самым демонстрируя игнорирование навязываемых правил ритуального оформления, но в то же время и не препятствуя им открыто. К примеру, проведение безалкогольной свадьбы могло на внешнем уровне соответствовать требованиям местных органов власти, о чём активно сообщала томская периодическая печать. В то же время для участников подобных мероприятий не являлось секретом, что заявленные цели подрывались скрытыми практиками потребления. «Когда мы выезжали на сенокос, - вспоминал томский преподаватель Виктор, - где потреблять демонстративно было нельзя, люди наливали в чайники и всё равно продолжали употреблять»¹⁷⁴.

Подобные манипуляции могут быть интерпретированы как подтверждение форм пассивного сопротивления, при котором его участники разделяют опыт незащищённости перед воздействием различных властных стратегий. Однако важно отметить, что такие адаптационные механизмы не являлись примером явного противостояния требованиям начальства, комсомола и т.д. Напротив, в условиях резкого сокращения производства и продажи спиртного, навязываемых правил потребления, рядовые городские жители оформляли некое собственное пространство, в рамках которого было возможно продолжать воспроизводство привычных жизненных практик, формально поддерживая непопулярные государственные меры. Тем самым, можно говорить о том, что потребители и объекты

¹⁷⁰ Интервью с преподавателем Виктором. Приложение А.

¹⁷¹ Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 323.

¹⁷² ЦДНИ ТО. Ф. 80. О. 12. Д. 18. Л. 22.

¹⁷³ На счастливой лестнице // Молодой ленинец (Томск). 1985. № 74. 22 июня. С. 2.

¹⁷⁴ Интервью с преподавателем Виктором. Приложение А.

воздействия антиалкогольной политики, находившиеся в состоянии подчинения, используя свой творческий потенциал, перетолковали и переиначили значение одного из мероприятий, присвоив себе обратно возможность привычного потребления алкоголя в контексте различных ритуальных действий. Такие действия способствовали быстрому осознанию в среде проводников сухого закона того, что властные механизмы не способны переломить устойчивые традиционные практики населения. Именно поэтому уже в 1988 г. томские партийные органы замечали, что, несмотря на усиленную пропаганду здорового образа жизни, «свадьбы, другие семейные и дружеские сборы всё ещё сопровождаются неумеренным возлиянием»¹⁷⁵.

Также невозможно игнорировать существование иных, более разнообразных способов действия обывателей, которые трудно интерпретировать в качестве определённой реакции на конкретный предписанный способ потребления. В силу невидимого и, по всей видимости, не до конца осознанного самими потребителями характера значительного количества всевозможных практических действий¹⁷⁶, их выявление возможно при непосредственном обращении к памяти участников исследуемых событий.

Приведём один из примеров. Один из участников исследования, Вячеслав, к воспоминаниям которого мы обращались выше, в годы перестройки одновременно работал сторожем и художником-оформителем в местном Доме культуры. В 1986 году он познакомился со студенткой из местного пединститута, которая «увидела в салоне для молодожёнов туфли чешского производства (а по тем временам это была шикарная обувь) и загорелась»¹⁷⁷. Ограничение в покупке пары туфель иностранного производства, недоступной девушке, за исключением её возможной женитьбы, мог означать не просто отказ от качественной обуви. По мнению Н. Рис, в российском/сибирском контексте отсутствие хорошей обуви у женщин означает неполное выстраивание женской идентичности¹⁷⁸, и совершенно неслучайно в условиях перестроечного дефицита предметов гардероба становилась популярной такая сфера самовыражения как практика производства вещей из имеющихся подручных материалов. Вскоре после этого у Вячеслава «родилась комбинация: раз эти туфли дают только молодожёнам, то нужно пойти и подать заявление. Просто она сама спрашивала, как купить эти туфли, а ей говорят, что только молодожёнам. Ну и тогда мы пошли в ЗАГС»¹⁷⁹. Наконец, через две недели, после прохождения вечерних курсов жениха и невесты, «молодожёны» заключили фиктивный брак и получили заветные

¹⁷⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 5217. О. 34. Д. 94. Л. 35.

¹⁷⁶ Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб. 2008. С. 194.

¹⁷⁷ Интервью с художником-оформителем Вячеславом. Приложение А.

¹⁷⁸ Рис Н. Русские разговоры: культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М. 2005. С. 117.

¹⁷⁹ Интервью с художником-оформителем Вячеславом. Приложение А.

талоны в обувной салон, продуктовый и вино-водочные магазины. «Мы их конечно тут же отоварили, - говорит Вячеслав, - главное, что дали два ящика водки и ящик болгарского вина»¹⁸⁰.

Рассмотренный пример демонстрирует важный аспект повседневной практики обывателя в условиях навязываемых потребительских правил. Городской обыватель в лице Вячеслава нашёл выгодный с потребительской точки зрения практический способ использования государственного органа, тем самым переопределив его прямое назначение. Соответственно, непосредственные объекты воздействия антиалкогольной кампании в разных контекстах и, как правило, в неосознанной форме, имели возможность успешно нейтрализовать действия власти, а также извлекать разные выгоды, используя для этого свой практический ум. Повторимся, что в силу своего производительного характера, подобные практики было бы ошибочным рассматривать как проявление прямого сопротивления, либо явного недовольства к функционированию властных механизмов.

Прямым последствием другой формы сохранения привычных потребительских практик в ситуации острого дефицита спиртного в Томском регионе стала динамика роста спекулятивных неформальных отношений. Напомним, что под спекуляцией в советском дискурсе понималась продажа и перепродажа товаров с целью «наживы». Данный вид деятельности в СССР 1960–1980-х гг. не только стигматизировался пропагандой как не соответствующий конструируемому образу советского человека, но и преследовался законодательно, караясь существенными сроками лишения свободы¹⁸¹.

Общественные настроения по отношению к спекулянтам, как отмечают П. Романов и М. Смирнова, являлись двоякими и противоречивыми. С одной стороны, отношение рядовых граждан к представителям теневой экономики, особенно людей старшего поколения, базировалось на чувствах недоверия, недоброжелательности, презрения и равнодушия¹⁸². В то же время ситуация дефицита ключевых продовольственных товаров вынуждала обращаться к услугам спекулянтов и фарцовщиков.

Столичные органы периодической печати передавали, что Томская область являлась одним из тех регионов, где чаще всего денежные средства населения направлялись в карманы спекулянтов, скупающих вино-водочную продукцию в соседних регионах¹⁸³. Неслучайно рабочий Л.Н. Быков в письме к первому секретарю Томского обкома КПСС В.И.

¹⁸⁰ Интервью с художником-оформителем Вячеславом. Приложение А.

¹⁸¹ Клинова М.А. Спекуляция и фарцовка в СССР 1960-х гг.-1980-х гг.: векторы современного историографического осмысления // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. Т.1. Екатеринбург. С. 78.

¹⁸² Романов П., Суворова М. «Чистая фарца»: социальный опыт взаимодействия советского государства и спекулянтов // Неформальная экономика в постсоветском пространстве: проблемы исследования и регулирования. СПб., 2003. С. 156.

¹⁸³ Алкогольный промысел // Труд (Москва). 1988. № 19. 8 июня. С. 3.

Зоркальцеву отмечал, что одним из результатов проведения трезвеннической политики в Томске являлось появление новых специальностей – «городской самогонщик и водочный спекулянт»¹⁸⁴. Совершенно очевидно, что в ситуации повального сокращения мест продажи алкогольной продукции, являвшихся ключевым проводником институциональной структуры торговли спиртными напитками, потребительские запросы рядовых потребителей в условиях резко наступившего дефицита алкогольных напитков не удовлетворялись, благодаря чему формировались адаптационные практики, связанные с поиском покупки алкоголя в неподконтрольных административному аппарату пространствах.

В первые месяцы после начала действия антиалкогольных постановлений, рядовые томичи могли приобретать спиртное у цыган, осуществлявших собственное подпольное производство. «В основном они жили своим посёлком в районе между АРЗом и Сосновым бором, - вспоминал А.Я. Петров, - Неизвестно кто конкретно, но очевидно из тех, кого цыгане «не уважили», начали поджигать их усадьбы. Сгорело несколько домов. В посёлок ввели наряды милиции, но охранять цыган круглосуточно было невозможно, пришлось им прижать хвост и торговля водкой в посёлке прекратилась»¹⁸⁵.

Особую группу участников теневого рынка покупки и продажи спиртного составляли пенсионерки и домохозяйки, которые, по замечанию заместителя начальника отдела ГУБХСС МВД СССР Б.Н. Терещенко, составляли треть в общей массе спекулянтов¹⁸⁶. «По переулку Соляному долгое время работал подпольный магазин для «пьянчужек». Его основательница Ольга в вечернее время и ночью щедро продавала свой товар: водку – по цене 10 рублей, вино – по 5 рублей. В последнее время она скупала вино в разных магазинах города, а затем продавала по завышенной цене. Вырученные деньги тут же продавала»¹⁸⁷.

Уличная торговля спекулянтов на рынках и вблизи оставшихся точек продажи спиртного, посредством сетевых коммуникаций также позволяла компенсировать ограничения в продаже алкоголя для рядовых городских жителей. По воспоминаниям очевидцев, в условиях высокого дефицита спиртного, спекулянты могли «торговать водкой уже в самой водочной очереди, для тех, у кого лишние деньги или позарез надо, а в госторговле не досталось»¹⁸⁸.

С началом установления «сухого» закона в Томской области, его пьющие жители направились за спиртным в ближайшие населённые пункты Кемеровской и Новосибирской

¹⁸⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 607. О.31 . Д. 843. Л. 15.

¹⁸⁵ Петров А.Я. Воспоминания об антиалкогольной кампании [Электронный ресурс] // Личный блог автора. [Томск], 2013. URL: <http://amator.almysh.com/?p=398> (дата обращения 03.03.19).

¹⁸⁶ ЦДНИ ТО. Ф. 607. О. 31. Д. 843. Л. 3.

¹⁸⁷ Задержаны с поличным // Красное знамя (Томск). 1985. № 178. 22 августа. С. 4.

¹⁸⁸ Петров А.Я. Воспоминания об антиалкогольной кампании... URL: <http://amator.almysh.com/?p=398> (дата обращения 03.03.19).

областей, где борьба за трезвость ещё не приняла серьёзных масштабов, что стало одной из наиболее распространённых форм приспособления пьющего населения в условиях повсеместного сокращения продажи спиртного. Томский писатель А.В. Филимонов в одном из своих романов ярко описывал процесс перекупки спиртного. «Уехали в Томск в плацкартном вагоне рядом с туалетом, в одном отсеке с водочным психопатом, который вёз в родную безалкогольную деревню чуть не полтора ящика водки. Он нас испугался, и стал травить байки про своих друзей "химиков", которые едут в других вагонах»¹⁸⁹. Осуждение спекулянтов стало одной из наиболее популярных тематик в посвященных антиалкогольной кампании колонках местных газет. К примеру, газета «Красное знамя» передавала, как рабочих совхоза Чилинского сельского совета Алексея и Сергея, поехавших за покупкой водки в близлежащие деревни Новосибирской области придавали осуждению на административном заседании совхоза («заседание это превратилось в собрание, ушел с него А. М. весь красный от стыда»)¹⁹⁰.

Для местных руководителей, председателей сельсоветов, доступная близость к покупке спиртного в соседних областях стала одной из насущных проблем. Уже к концу 1985 г. эта ситуация вынуждала сельских председателей обращаться с жалобами в партийные органы соседних областей с требованиями запретить продажу в населённых пунктах, граничащих с Томской областью. «Односельчане все-таки умудряются доставать вино-водочные изделия, – отмечал председатель Чилинского сельского Совета Кожевниковского района В. Гречко. - Где? В Новосибирской области. До ближайшего магазина нет и тридцати километров. Люди едут на личном, служебном транспорте. Попадают в аварии, разбивают технику. Обратились мы, было, к соседям, и вскоре из Новосибирского облпотребсоюза пришел ответ: «Винно-водочные изделия в магазины - завозятся в соответствии с установленными нормами». Но нас такой ответ не устраивает. Намерены еще переговорить с коллегами из соседнего сельского Совета, чтобы сообща поставить заслон пьянству»¹⁹¹.

Ещё одну яркую иллюстрацию поиска спиртных напитков в соседних регионах снова можно подчеркнуть у томского писателя А.В. Филимонова: «Славное было время - почти ничего не колыхало и не волновало (включая полное отсутствие жилья, быта и денег). Синдром томича - сразу по приезде в другие города нажираться вусмерть пять раз подряд - я преодолел <...> Пиво, мои товарищи-художники употребляли в пищу в ходе работы, а моим, как приехавшего из безалкогольного Томска в белопенное Кемерово, основным занятием и было питье пива»¹⁹².

¹⁸⁹ Филимонов А.В. Из жизни елупней. Томск, 2011. С. 26.

¹⁹⁰ Каждый - и все вместе // Красное знамя (Томск). 1985. № 12. 15 января. С. 3.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Филимонов А.В. Из жизни елупней. Томск... С. 37.

Устремление городских потребителей спиртного обращаться к услугам местных спекулянтов в рамках функционирования сухого закона представляют собой ещё один пример таких действий, с помощью которых обыватель реагировал на властные требования по пересмотру норм потребительского поведения. Помимо этого, теневое производство и распространение спиртного в годы антиалкогольной кампании может являться ещё одним примером существовавшего противоречия между транслируемым пропагандой отрицательным отношением к спекулянтам и отношением, складывавшимся в ситуациях их реального взаимодействия с покупателями.

В период с 1984 по 1988 год, по подсчётам С. Уайта, совокупные государственные продажи алкоголя упали более чем на 50 процентов¹⁹³. Однако официальные цифры преувеличивают снижение потребления алкоголя, поскольку они не отражают "самогонную" реакцию рядовых городских жителей на кампанию. В отечественной питейной традиции практики домашнего производства самогона (общий термин для нелегальных алкогольных напитков, сделанных из сахара, кукурузы, свеклы, картофеля и других ингредиентов) имеют давнее распространение. В условиях проведения антиалкогольной кампании практики различного кустарного производства получили более энергичное использование и стали наиболее популярным адаптационной практикой среди числа пьющих городских жителей.

Местное руководство также понимало, что распространение кустарного производства станет одним из главных последствий резкого проведения борьбы за трезвость. В этой связи управлению внутренних дел Томской области вменялось более активно искоренять практики самогонварения¹⁹⁴. Так, в первые девять месяцев 1985 г., за самогонварение к уголовной ответственности был привлечён 61 человек (в 1984 г. – 6 чел.)¹⁹⁵.

Подобные самоуправные способы сохранения привычных питейных практик означали как дистанцирование городских жителей от трезвеннических установок власти (без активной борьбы с ними), так и от других ограничений, испытываемых ими в контекстах повседневной жизни, на работе или в семье. Замеченная деталь подтверждает значение спиртного в качестве средства нейтрализации психологического напряжения, возникавшего на повседневном уровне. «Уважаемые люди, учёные, интеллигенция всех мастей с большим азартом начали делиться друг с другом опытом и рецептами, как и что можно сотворить в домашних условиях», – вспоминал научный сотрудник Томского института радиоэлектроники и электронной техники А.Я. Петров. – Из чего только не творили со

¹⁹³ White, S. *Russia Goes Dry: Alcohol, State and Society*. NY, 1996. P. 202.

¹⁹⁴ Нестеренко П.Л. Основные направления, ход и первые итоги антиалкогольной кампании в Томске и Томской области (1985 г.) // Вестник ТГПУ. 2014. №3. С. 47.

¹⁹⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 607. О. 31. Д. 296. Л. 21

знанием и высшим образованием алкоголь, начиная от картофельных очисток и кончая экзотикой типа апельсиновых корок»¹⁹⁶.

Крайней формой практического освоения трезвеннических мер стало потребление различных алкогольных заменителей. Для многих пьющих граждан подобные действия стали наиболее примечательным показателем пассивного недоверия непопулярным мерам, что заметно по динамике роста продажи клея на спиртовой основе: с 760 до 1000 тонн в период с 1985 по 1987 годы. Продажи стеклоочистителей за тот же период выросли с 6500 до 7400 тонн¹⁹⁷. А.Я. Петров вспоминал, как в одной из алкогольных очередей услышал «целую лекцию, о том, какие настойки из аптеки годятся для потребления, какие парфюмерные средства, включая даже кремы, идут в дело, но апофеозом народного «просветительства» явился рецепт, как извлечь драгоценную жидкость из клея БФ-2 наматывая на отвёртку густую субстанцию. Стало совершенно ясно, чтобы не творили с народом партийные бонзы, он всё равно извернётся, но выпьет»¹⁹⁸.

Приведённый отрывок является одним из многих примеров того, как в нарративе о потреблении алкогольных суррогатов с особенностью подчёркивается непоколебимый характер обывателя перед любыми повседневными трудностями. Аналогичную особенность при общении со столичными алкоголиками обнаружила Н. Рис, и заметила, что в разговорах о подобных формах потребления чаще всего замечалась «смесь отвращения, веселости и гордости за своих, за русских, идущих на рискованные эксперименты ради привычной хмельной услады»¹⁹⁹.

Важно подчеркнуть и другой аспект, связанный с такими крайними самоуправными формами потребления. Стандарты поведения, основанные на совершенно определённых морально-нравственных установках, оказались тесным образом переплетены с повседневными чувствами неуверенности, надежды и гордости. Вероятно, именно поэтому различные попытки обхода трезвеннических правил, могли не восприниматься городскими жителями как некое нарушение дисциплинарного порядка. В этом и заключалось одно из ключевых противоречий между транслируемыми властью моделями поведения и их восприятием в сознании населения, являвшиеся главным объектом воздействия антиалкогольной кампании. Опять же, было бы опрометчивым полагать, что поведение потребителя в контексте заданных трезвеннических рамок сводилось только к признанию

¹⁹⁶ Петров А.Я. Воспоминания об антиалкогольной кампании [Электронный ресурс] // Личный блог автора. [Томск], 2013. URL: <http://amator.almysh.com/?p=398> (дата обращения 03.03.19).

¹⁹⁷ Bhattacharya J, Gathmann C., Miller G. The Gorbachev Anti-Alcohol Campaign and Russia's Mortality Crisis // American Economic Journal: Applied Economics, Vol. 5, No. 2. P. 248.

¹⁹⁸ Петров А.Я. Воспоминания об антиалкогольной кампании... URL: <http://amator.almysh.com/?p=398> (дата обращения 03.03.19).

¹⁹⁹ Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М., 2005. С. 126.

или пассивному неприятию. Несмотря на существовавшие ограничения, обыватель мог переформировывать некоторые заданные условия на свой манер, что зачастую игнорируется при анализе гегемонистских функций советской власти.

2.3 Антиалкогольная политика в дискурсах повседневности рядовых жителей сибирского города

В 2005 году бывший студент-историк Томского университета В. Шестаков в интервью московской газете «Корпус», вспоминая годы пребывания в Томске, дал одно из фольклорных обозначений антиалкогольной кампании, назвав её «лигачёвской трезвой инквизицией»²⁰⁰. Упоминание фигуры одного из проводников антиалкогольных идей, на наш взгляд, совершенно неслучайно. Если попытаться идентифицировать некие центральные темы в нарративах томских обывателей об антиалкогольной кампании, то можно обнаружить, что таковыми могли являться не понятия пьянства и трезвости, что было центральным элементом в дискурсах бывших политиков, а сами фигуры и образы этих политических деятелей, осуществлявших проведение непопулярной реформы.

Отмеченная деталь была особенно важна для жителей Томского региона, поскольку ключевой сторонник введения беспрецедентных антиалкогольных мер Е.К. Лигачёв до попадания в высшие эшелоны власти, в период с 1965 по 1983 гг. являлся первым секретарём Томского обкома КПСС²⁰¹. Участие самого известного политика в инициировании непопулярных мер, непосредственно влиявших и изменявших их привычные повседневные практики, способствовало тому, что его фигура начинала приобретать в обывательском дискурсе явные негативные коннотации. Влияние политического образа Лигачёва на восприятие антиалкогольных мер в среде городских жителей нашло своё отражение в мемуарных свидетельствах. «Много хорошего Лигачёв сделал для области. Тем не менее народ в Томске относится к нему резко отрицательно, - вспоминал научный сотрудник Томского института автоматизированных систем управления и радиоэлектроники А.Я. Петров, - И причина этого в одной единственной, но непоправимой ошибке - инициализации антиалкогольной кампании. Народная молва, зная, что Лигачёв ярый трезвенник, связывала борьбу с алкоголизмом исключительно с его именем»²⁰². Несмотря на прежние тёплые воспоминания о заслугах Лигачёва в социально-технологическом прогрессе Томской области, его идентичность политического деятеля сопрягалась с трезвенническими убеждениями и приобретала новый характер посредством её особенной репрезентации в обывательском дискурсе.

²⁰⁰ Шестаков В. Борьба за русские интересы меня заставила жизнь // Корпус (Москва). 2005. № 3. С. 14.

²⁰¹ О деятельности Лигачёва на посту первого секретаря см.: Томская область: Исторический очерк /Отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск, 1994. С. 505-615.

²⁰² Петров А.Я. Воспоминания об антиалкогольной кампании [Электронный ресурс] // Личный блог автора. [Томск], 2013. URL: <http://amator.almysh.com/?p=398> (дата обращения 03.03.19).

Вполне вероятно, антиалкогольная кампания могла быть только отправной точкой в процессе изменения отношения обывателей к политическим образам нового советского руководства. Согласно модели А. Юрчака, первый период перестроечных преобразований таил в себе постепенную деконструкцию роли советского авторитетного дискурса, а ядром этого процесса стало то, что партийные высказывания начинали интерпретироваться на уровне их констатирующего смысла²⁰³.

Так, в новом контексте содержание передовых статей в периодической печати принимало логику, несколько отличную от смысла газетного дискурса позднего социализма, когда главной задачей газетных передовиц являлось повторение авторитетной языковой формы, а не констатирующий смысл самих высказываний²⁰⁴. После прихода к власти нового советского руководства, в периодической печати начался привычный для позднесоветской эпохи процесс воспроизводства и копирования формулировок, подчеркивавших одобрение трудящимися антиалкогольных решений партии и правительства.

На первый взгляд, факты одобрения трудящимися борьбы с пьянством носили характер абстрактных формулировок. В то же время, к ним добавлялись предложения и замечания отдельных граждан, что могло являться первым шагом к потенциальному разрыву логики самого авторитетного дискурса, поскольку поиск решения проблем мог происходить и за пределами партийного знания. Например, на страницах местной газеты «Молодой ленинец» студент Томского политехнического института Владимир высказал собственные замечания относительно борьбы с пьянством. Признавая необходимость искоренения пьянства как серьёзной социальной проблемы, в своей заметке Владимир одновременно воспроизводил сразу несколько позиций противников введения «сухого» закона. «...Нет, я с вами целиком согласен, - писал Владимир, - в том, что потребление алкоголя в современных масштабах — это гнойная язва на теле общества любого, тем более социалистического. Но вы, видимо, мало представляете себе, насколько въелось в сознание людей, что ничего в этом зорного нет, если «знать меру». И правда, большинство ее знает. Это большинство с омерзением смотрит на спившихся и спивающихся, и с удивлением, недоумением — на непьющих вообще... Без спиртного, то есть искусственного увеселения, жить скучновато. Сначала надо научиться веселиться, не прибегая к обществу «зеленого змия»...»²⁰⁵.

Предоставление возможности искать поиск решения алкогольной проблемы за пределами авторитетного дискурса, могло являться первой ступенью в процессе недоверия и критики к высказываниям в рамках партийного знания. Безусловно, высказанное

²⁰³ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2017. С. 572.

²⁰⁴ Там же. С. 139.

²⁰⁵ Можно – если осторожно? // Молодой ленинец (Томск). 1985. № 71. 15 июня. С. 2.

предположение является спорным, поскольку полное нарушение герметичности и неизменяемости советского идеологического дискурса начнётся несколько позже - в годы проведения политики гласности, когда буквальный смысл партийных высказываний станет предметом критического обсуждения в публицистике и телепередачах перестроечной поры. В то же время уже во время осуществления антиалкогольной кампании многие советские граждане на страницах печати и в письмах в местные органы власти высказывали свои осторожные замечания и разнообразное отношение к кампании и её инициаторам.

Как уже было отмечено, ситуация начинает меняться в годы проведения политики гласности, когда ради повышения эффективности работы советского правительства и роста производительности труда был расширен поток различного рода информации, а практически во всех публичных и политических контекстах расширялись практики обсуждения, комментирования и оценивания партийных высказываний²⁰⁶. Предсказуемым эффектом этого процесса стало нарастание пренебрежительное отношения к местной власти со стороны рядовых томичей. Например, по данным исследования социологов Томского государственного университета в 1987 г., проведенного на ПО «Контур», 53 % рабочих и 34 % заводских руководителей не видели никакой роли коммунистов в перестройке²⁰⁷. В этой ситуации нарушения локальной стабильности на поверхность начали выходить ранее скрытые тактики недовольства и недоверия к действиям местных властей.

К примеру, в декабре 1987 года рабочий Томского лесопромышленного комбината написал письмо высшим государственным руководителям М.С. Горбачёву и А.А. Громыко. Сразу заметим, что письма во власть становились в эти годы типичной формой проявления несогласия или самоуправства. Соответственно, процесс написания жалоб и недовольств «наверх» можно также рассматривать как один из неосознанных тактических приёмов, поскольку он также должен осуществляться в рамках властных правил. Так, жалоба, как правило, начинается с подтверждения справедливости установленного порядка, который, правда, нарушает тот, на кого жалуются. «Уважаемый Михаил Сергеевич! Уважаемый Андрей Андреевич! Вынужден обратиться к Вам – высшим руководителям государства и партии, т.к. ничего не могу решить здесь на месте. Какая же это перестройка, товарищи? Почему местные власти не желают ничего делать по моему трудоустройству? А всё дело в том, что томская областная парторганизация до сих пор находится вне критики»²⁰⁸. В конечном счете, пишущий присваивал себе чужой, партийный язык и извлекал из жалобы собственные выгоды. Объектом недовольства в письме томского рабочего стал

²⁰⁶ Рис Н. Русские разговоры: культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М., 2005. С. 133.

²⁰⁷ Величко С.А. Общественно-политическая жизнь Сибири (1985 – 1991 гг.). Омск, 2004. С. 56.

²⁰⁸ ЦДНИ ТО. Ф. 5217. О. 34. Д. 122. Л. 130.

вышеупомянутый Лигачёв, критика которого должна способствовать разрешению ряда местных проблем, одной из которых являлось не подавляемое пьянство. «Логика в том, что рядовому коммунисту не дозволяется у нас в Томске критиковать вышестоящих руководителей. Я же критиковал (и не раз) самого Е.К. Лигачёва, и этого, судя по всему, мне не простят... Мне просто-напросто заткнули рот за критику...»²⁰⁹.

Письма в местные органы власти также демонстрируют нам опасения и переживания, связанные с возможными последствиями антиалкогольных мер, доходившие в форме слухов до городского жителя и усиливавшие уровень подозрения к местной власти. К примеру, на протяжении всего 1988 г. в Томске циркулировали слухи о введении талонной системы на продажу водки, вызывавшие чувства недоверия к подобной инициативе рядового населения. «Все негативные явления выросли количеством – свидетельствует пресса. Сахар по талонам, конфет нет – писал рабочий Л.Н. Быков. - Введение талонов на водку положения не улучшит. Талон будет стоить на черном рынке 15 рублей»²¹⁰. Процесс отоваривания талона включал в себя часовые стояния в очереди, что также вызывало дестабилизацию привычного повседневного порядка и пренебрежительное отношение обывателя к антиалкогольной инициативе советской власти.

В конечном счёте, свои переживания относительно социальных преобразований, городской житель смог зафиксировать на выборах народных депутатов в 1989 году. Отметим, что для обывателя в перестроечном контексте, участие в выборах приобретало новые коннотации: отныне в процессе голосования становилось важным придавать значение констатирующему смыслу политического акта (например, на имя, биографию и программу кандидата)²¹¹. Процесс дискурсивной деконструкции также усиливался тем, что голосующим была предоставлена возможность анонимного комментирования программных заявлений кандидатов на бюллетенях, обнаруженные нами в фонде ленинского райкома Центра документации новейшей истории Томской области. В силу анонимного характера оставляемых пожеланий, представляющие беспристрастный взгляд городского жителя на существовавшие жизненные трудности, данный вид документов также проливает свет на центральные темы обывательского дискурса в годы масштабных социальных преобразований. Помимо жалоб, связанных с квартирным вопросом, проблемами медицинского обслуживания населения, сферы общественного питания, исчезновение спиртного с магазинных полок являлась одной из ключевых трудностей, которая, по мнению городских жителей, должна быть решена народными депутатами. Так, ветеран войны

²⁰⁹ ЦДНИ ТО. Ф. 5217. О. 34. Д. 122. Л. 130.

²¹⁰ ЦДНИ ТО. Ф. 607. О.31 . Д. 843. Л. 15.

²¹¹ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2017. С. 577.

оставил на бюллетене следующее пожелание, прикрепив к нему талон на водку: «Примите наше спасибо за талоны на водку за што голос отдавать ни выпить ни закусить. Инвалид от ВОВ»²¹².

В некоторых случаях недовольство, связанное с нарушением праздничной культуры и другими эффектами антиалкогольной стратегии имели в дискурсе городских жителей прямую взаимосвязь с негативными коннотациями в отношении местных партийных руководителей. «Голосуем за то, - отмечалось на одном из бюллетеней, - чтобы больше всего было на столе и притом за праздничным столом. Чарка водки или вина. Избавится от бюрократов, которые довели нашу область, которая стала побираться по соседним областям чтобы выплатить зарплату рабочим. Это – срам, при таких возможностях, особенно что сделали с вино-водочными изделиями. Спекуляция развилась. Нас душат в очередях за бутылкой!»²¹³. В контексте нараставших слухов о возможном возвращении к талонной системе получения алкогольных напитков и исчезновения важных продовольственных продуктов с магазинных прилавков становилось причиной отказа от участия в голосовании. Неслучайно в одном из пожеланий народным депутатам отмечалось: «За что голосовать, за голые прилавки? Нет водки, сахара, конфет и зачем? Не надо талонов на водку, так как трудно её достать»²¹⁴.

Однако сводить узловые точки обывательского дискурса о борьбе с пьянством только к критической оценке событий было бы неверно. Даже в рамках такой специфичной темы можно обнаружить достаточно рассеянную среду высказываний, которые не обязательно выстроены в некий единый дискурс и являются продуктом одного автора, но могут быть противоположными и противоречивыми друг другу. Соответственно, проявление антиалкогольной инициативы советского руководства в дискурсивных практиках могло носить яркие оттенки. Так, тревожные чувства могли вызывать и слухи 1988 года о возможном возвращении к прежним правилам продажи, покупки и употребления алкоголя. Например, в письме к первому секретарю Томского горкома, работницы местного хладокомбината подчёркивали свою поддержку проводимой антиалкогольной кампании. «Многоуважаемый Виктор Ильич! Мы были рады той политике, что велась Вами в отношении водочных изделий, - отмечалось в письме, - водочные продаются пока у нас в определенных точках, пьяные лица почти не мелькают в городском транспорте, в магазинах никто не пробивается к продавцу продтоваров с требованием бутылки, очередь, если есть, никто не беспокоит. Наши мужья трезвы и преимущества безалкогольного образа жизни

²¹² ЦДНИ ТО. Ф. 5217. О. 34. Д. 198. Л. 18.

²¹³ Там же. Л. 36.

²¹⁴ Там же. Л. 20.

всем ясны. Однако, судя по прессе, собираются снова продавать водочные без всяких ограничений, везде, повсеместно. Мы женщины считаем, что не нужно менять в Томске и области наведённого порядка, убедительно просим Вас как депутата, не менять установленного в области порядка торговли водочными, винными изделиями. С уважением, женщины хладокомбината (пер. Шегарский, 54)»²¹⁵.

Таким образом, обывательский дискурс об антиалкогольной кампании в Томске определялся представлениями о ключевых политических фигурах, действия которых могли восприниматься в качестве средств дестабилизации привычного повседневного порядка в городе, а также циркулировавшими слухами о возможном введении талонной системы на продажу основных продовольственных товаров.

В контексте начавшегося процесса дискурсивной деконструкции позднесоветской системы, когда была легитимизирована возможность внепартийного публичного оценивания осуществляемых властных мероприятий, проблема антиалкогольной кампании становилась одним из элементов дискурсивного конфликта между государственными устремлениями и многочисленными интерпретациями реального положения дел на повседневном уровне. «Жизнь моя сложилась так, что в кругу моих знакомых входят люди самых разных профессий – от уборщиц до директоров крупных предприятий, - отмечал в письме первому секретарю Томского горкома местный рабочий, - Поверьте – ни один не одобряет «Томскую» борьбу за трезвость! Даже те, кто с трибун в 85-86 гг. внедряли её в массы. Неужели так сложно найти мужество сказать народу: «Мы ошиблись, не учтя многого. Не ошибается только тот, кто ничего не делает». Виктор Ильич! Народ ждет от вас и ваших коллег рациональных действий, и чем скорее они заработают – тем полезнее для общества»²¹⁶.

Различные дискурсивные знаки, подчёркивавшие особенный характер проведения трезвеннической кампании в Томском регионе, подразумевали представления об опустевших вино-водочных магазинах, возвращении к талонной системе покупки продовольственных товаров, нараставших очередях, росте спекуляции и других проявлениях непродуманных антиалкогольных мер, ко всему прочему, инициированные и усиленные бывшим руководителем области, что только усиливало негативные коннотации. Пользуясь выражением Н. Рис, дискурс об антиалкогольной кампании можно назвать литанией, то есть таким перестроечным жанром, в котором содержались некоторые узловые точки, превращавшиеся в жалобы и тревоги по поводу ухудшений условий жизни городских

²¹⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 607. О. 31. Д. 843. Л. 21.

²¹⁶ Там же. Л. 15.

жителей²¹⁷. Вероятно, специфика повествования о дестабилизации городской повседневности являлась фактором оформления сугубо местного ощущения реальности, объединявшая людей одинаковым переживанием текущего момента и общей судьбы.

²¹⁷ Рис Н. Отрывки русских разговоров // Этнографическое обозрение. 2006. №5. С. 11.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема пьянства, алкоголизма, стремительного роста потребления спиртного являлась устойчивым элементом позднесоветской реальности в силу ряда факторов. Постоянный рост производства и продажи алкогольной продукции, продиктованный бюджетными интересами советского руководства, логичным образом сопрягался со стремительным ростом демографических и социальных последствий пьянства и алкоголизма, в чём проявлялось ключевое противоречие алкогольной политики в годы позднего социализма.

Исходя из морально-нравственных целевых установок социалистической системы, её идеологические стратегии создавали эстетический образ серьёзного и ответственного субъекта. Несмотря на то, что поведенческая модель трезвого и волевого человека действительно была популярна, в реальности позднесоветской жизни пьянство переставало восприниматься в качестве отклонения, несовместимого с социалистическими идеалами. Это могло быть связано с тем, что алкоголь являлся наиболее доступным проводником в процессе создания повседневных зон, утверждавшие временную автономию советского субъекта от взаимодействия с официальными дискурсивными посылами и идеологическими ритуальными действиями, а питейные практики выступали в качестве средства нейтрализации психологического напряжения на уровне повседневного существования.

Наряду с этим, происходило возрастание роли спиртных напитков в культурной и экономической сферах позднесоветской жизни. Важнейшие праздники и обряды советской жизни в отсутствие потребления алкогольных напитков зачастую меняли свою природу и первоначальный заложенный смысл, что, в свою очередь, имеет давнюю отечественную культурную традицию застольных празднований и признавалось властными механизмами в качестве определённой нормы существовавшей действительности. Здесь также важно заметить, что немаловажную роль в нормировании практик умеренного потребления спиртного играли различные кинематографические и литературные репрезентации пьющих обывателей, симпатичные и знакомые образы которых не вызывали презрения и негативного отношения.

Другое проявление, которое получило алкоголь именно в позднесоветскую эпоху, стало проникновение алкоголя в сферу неформальной советской экономики, выступившее незаметным оплотом этой системы и проводником к местам, где тесным образом переплетаются практики потребления и обмена, акты общения и личных интересов. В контексте отсутствия законодательного регулирования массивного пласта деловых контактов, при которых большая часть сделок заключалась лицом к лицу, спиртное являлось

средством неофициального гаранта неформальных соглашений. Особенная роль спиртных напитков также проявлялась и в том, что они являлись не только средством ритуального закрепления отношений, но и объектом обмена.

Нараставший производственный, демографический урон от растущего роста пьянства, способствовал тому, что советское руководство несколько раз прибегало к попыткам снизить производство и продажу спиртных напитков, в связи с чем, опыт антиалкогольных кампаний для позднесоветского общества до 1985 года не был новым явлением. Однако в силу непродуманного характера государственных ограничений, кампании по борьбе с пьянством в 1958 и 1972 годах, парадоксальным образом заканчивались ещё большим ростом алкогольного потребления.

Осознавая негативные последствия советского пьянства, а также то, что продажа алкоголя уже не приносит существенного дохода для государственной казны, новое советское руководство весной 1985 года решило выбрать масштабную антиалкогольную кампанию в качестве одного из первых мероприятий политики перестройки. Для подчёркивания решительного характера собственных действий, советскими реформаторами воспроизводилась идея морально-нравственного оздоровления советского субъекта, а официальные дискурсивные стратегии относительно алкогольной проблемы претерпели существенные изменения, что могло быть связано с общим дискурсом первого периода перестройки о необходимости модернизации основ социалистической системы.

После принятия майских постановлений, определявшие спектр административно-правовых, дисциплинарных и пропагандистских механизмов осуществления антиалкогольных мер, в борьбу за отрезвление советского общества включились ключевые государственно-партийные органы. Томский регион в этом отношении представляет особый интерес, поскольку функционирование трезвеннических мер здесь проходило особенным образом.

Во-первых, огромное влияние на высокие и динамичные темпы реализации антиалкогольной политики в Томской области оказывало влияние фигуры Е.К. Лигачёва – бывшего руководителя региона и ключевого проводника трезвеннической кампании. Безусловно, было бы неверно сводить резкое ограничение доступности спиртного к действиям единоличного автора, поскольку проведение любой масштабной социальной кампании в рассматриваемый период осуществлялось посредством расплывлённого институционального аппарата. В этом контексте скорее важно то, какие изменения претерпела фигура самого известного политика в дискурсивных практиках рядовых томичей. Помимо этого, статус студенческого города предполагал активное ограничение в покупке и

потреблении спиртного для городской молодёжи, тем самым, производилась попытка разрушения одного из значимых элементов студенческой повседневности.

Как и в любом другом регионе, ограничение мест продажи спиртного, сокращение объёмов алкогольного производства, способствовали общим для городского пространства дестабилизационным процессам, вызывавшим нарушение повседневного порядка, и проявлявшиеся в нарастании магазинных очередей, увеличении числа спекулянтов спиртными напитками, ужесточении наказаний для нарушителей новых потребительских установок.

Восприятие антиалкогольных мер рядовыми городскими жителями, выступившие главными объектами воздействия трезвеннической стратегии, также как и характер изменения их повседневных практик имело сложный и многогранный характер. Об этом свидетельствовали многочисленные казусы, при которых обыватель мог демонстрировать противоречивые сценарии потребительского поведения в сложившейся ситуации, которые, было бы ошибочным сводить к прямому принятию, сопротивлению или ложному, неискреннему восприятию антиалкогольной стратегии. Данный тезис подтверждается тем, что различные попытки обхода трезвеннических правил, могли не восприниматься городскими жителями как некое нарушение дисциплинарного порядка, а порой оформляли некое собственное пространство, в рамках которого было возможно продолжать воспроизводство привычных жизненных практик, не выступая прямым образом против существующих ограничений.

В свою очередь, находясь в едином дискурсивном и символическом пространстве, городские жители по-разному выражали своё отношение к проводимым мерам, о чём говорит довольно рассеянная среда высказываний, которые могли содержать противоположные друг другу точки зрения. Однако построение обывательских дискурсов в эти годы определялось ключевыми знаками, определявшие повседневные трудности и бытовые неудобства, а легитимация публичного комментирования партийных решений в рамках политики гласности только усиливало общий процесс деконструкции позднесоветской системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

1. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). – Ф. 80. Томский городской комитет (горком) КПСС. – О. 12. – Д. 18, 160.
2. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). – Ф. 607. Томский областной комитет (обком) КПСС. – О. 31. – Д. 296, 843.
3. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). – Ф. 5217. Ленинский районный комитет КПСС (райком) г. Томска. – О. 34. – Д. 94, 122, 198.
4. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). – Ф. 5433. Советский районный комитет КПСС (райком) г. Томска. – О. 26. – Д. 19.

Законодательные акты

Делопроизводственные и статистические материалы

5. Коммунистическая партия Советского союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988). – М.: Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1989. – Т. 15. – С. 25.
6. Систематическое собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений Правительства РСФСР. – М.: Издательство «Юридическая литература», 1968. – Т. 9. – С. 279-281.
7. Народное хозяйство СССР в 1963 году. Статистический ежегодник. – М.: Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, 1964. – С. 507.
8. Стенограмма Заседания Политбюро ЦК КПСС 4 апреля 1985 г. об антиалкогольной кампании [Electronic Resource] // National Security Archive. The George Washington University. – Washington [Б.г.]. – URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Perestroika/1985.04.04%20Politburo%20Session%20on%20Anti-Alcohol%20Campaign.pdf (Access Date: 14.02.19).
9. Gorbachev's Campaign Against Alcohol. A Research Paper [Electronic Resource] // CIA.Sov 86-10019X. – Washington, 1986. – URL: <https://www.cia.gov/library/index.html> (Access Date: 11.01.19).

Периодическая печать

10. За советскую науку: орган парткома, ректората, месткома, комитета ВЛКСМ и профкома Томского ордена Трудового Красного Знамени, ордена Октябрьской Революции государственного университета им. В. В. Куйбышева. – Томск: ТГУ, 1985.

11. Красное знамя: Томская областная ежедневная газета. – Томск: Красное знамя, 1985-1986.

12. Молодой ленинец: орган Томского обкома ВЛКСМ. – Томск: [б. и.], 1985.

Полевые материалы

13. Полевые материалы автора: расшифрованное интервью с преподавателем Томского государственного университета Виктором. – 2 с.

14. Полевые материалы автора: расшифрованное интервью с художником Вячеславом. – 2 с.

Литературные источники

15. Ерофеев В. Москва – Петушки: поэма / Венедикт Ерофеев. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2017. 192 с.

16. Филимонов А.В. Из жизни елупней / Андрей Филимонов. – Томск: ИД СК-С., 2011. 276 с.

Источники личного происхождения

17. 75 лет томской промышленности. «Томское пиво»: как прусский бизнесмен создал завод в Сибири [Электронный ресурс] // Томский обзор. – Электрон. дан. – [Томск], 2016. – URL: <https://obzor.westsib.ru/article/502405> (дата обращения 27.02.19).

18. Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве / Н. К. Байбаков; Лит. запись Ю. Ф. Соколова. – М.: Республика, 1993. - 319 с.

19. Лигачев Е.К. Загадка Горбачева / Е. К. Лигачев. - Новосибирск: СП "Интербук", 1992. – 303 с.

20. Лигачев Е.К. Предостережение / Е. К. Лигачев. – М.: Газета «Правда», 1999. – 462 с.

21. Петров А.Я. Воспоминания об антиалкогольной кампании [Электронный ресурс] // Личный блог автора. – Электрон. дан. – [Томск], 2013. – URL: <http://amator.almysh.com/?p=398> (дата обращения 03.03.19).

22. Рыжков Н.И. Перестройка: история предательства / Николай Рыжков. – М.: Новости, 1992. – 397 с.

23. Черняев А.С. Совместный исход: дневник двух эпох, 1972-1991 годы / А. Черняев. – М.: РОССПЭН, 2010. – 1047 с.

Литература

24. Барсукова С.Ю. Блатной советский союз, или экономика взаимных услуг рецензия на книгу: Ledeneva A. 1998. Russia's economy of favours: Blat, networking and Informal exchange. Cambridge: cambridge University Press [Электронный ресурс] // Экономическая социология. – 2013. – №1. – С. 111-120. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blatnoy-sovetskiy-soyuz-ili-ekonomika-vzaimnyh-uslug-retsenziya-na-knigu-ledeneva-a-1998-russias-economy-of-favours-blat-networking-and> (дата обращения: 23.03.2019).

25. Безбородов А., Елисеева Н., Шестаков В. Перестройка и крах СССР. 1985-1993. / Александр Безбородов, Наталья Елисеева, Виктор Шестаков. – СПб.: Норма, 2011. – 215 с.

26. Богданов К. А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности / К. Богданов – СПб.: Искусство-СПб, 2001. – 437 с.

27. Болдышев А.Д. Комсомол Томского инженерно-строительного института и антиалкогольная кампания 1985-1987 годов // Вестник ТГПУ. – 2014. – №3 (144). – С. 38-43.

28. Вайль П. Л., Генис А.А. 60-е. Мир советского человека / Петр Вайль, Александр Генис. - Изд. 2-е. - М. : Новое литературное обозрение, 1998. 368 с.

29. Величко С.А. Общественно-политическая жизнь Сибири (1985 – 1991 гг.). – Омск: Изд-во ОГТУ, 2004. – 376 с.

30. Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона» / Коллектив авторов. – М.: Пробел-2000, 2012. – 480 с.

31. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик / В.В. Волков, О.В. Хархордин – СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб, 2008. – 298 с.

32. Горбачёв М.С. Избранные речи и статьи. Т. 4. – М.: Политиздат, 1987. – 511 с.

33. Дорошенко А.В. Борьба с пьянством в СССР в 1970-х гг. – первой половине 1980-х гг. (на материалах Западной Сибири): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 [Электронный ресурс] // – Омск: [б.и.], 2016. – Электрон. версия печат. публ. – URL: https://diss.utmn.ru/upload/iblock/a26/Doroshenko_07.00.02.pdf (дата обращения: 03.04.2019).
34. Елисеева Н. Советское прошлое: начало переоценки // Отечественная история. – 2001. – № 2. – С. 94-95.
35. Иванова А. Магазины «Берёзка»: парадоксы потребления в позднем СССР / Анна Иванова. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 304 с.
36. Карпова Г.В. «Выпьем за Родину!». Питейные практики и государственный контроль в СССР // Советская социальная политика, сцены и действующие лица, 1940 – 1985. – М., 2008. – С. 337-357.
37. Кимерлинг А.С. Письма во власть в позднюю сталинскую эпоху: интимное и политика // История в эго-документах: Исследования и источники. – Екатеринбург, 2014. – С. 325-338.
38. Кирсанов Р.Г. Антиалкогольная кампания периода перестройки: «новое мышление» и старые методы [Электронный ресурс] // Вестник Российской нации. – 2015. – № 6. – С. 102-111. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/026/687/original/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D0%A0%D0%9D_6_2015.pdf?1450163461 (дата обращения: 12.03.2019).
39. Клинова М.А. Спекуляция и фарцовка в СССР 1960-х гг.-1980-х гг.: векторы современного историографического осмысления [Электронный ресурс] // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. – Т.1 – Екатеринбург. – С. 78. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/30305/1/uibch_2014_1-13.pdf (дата обращения: 19.03.2019).
40. Козлов В. А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953 - 1985 гг. – М.: Олма-пресс, 2006. – 448 с.
41. Козлова Н.Н. Советские люди: сцены из истории / Н.Н. Козлова. – М.: Европа, 2005. – 544 с.
42. Коткин С. Предотвращённый Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970-2000 / Стивен Коткин; пер. с англ. И. Христофоров; предисл. Г. Дерлутьяна. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 240 с.

43. Курукин И. В. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина / Игорь Курукин, Елена Никулина. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 518 с.
44. Курукин И.В., Никулина Е.А. «Государево кабацкое дело»: очерки питейной политики и традиций в России / Игорь Курукин, Елена Никулина. – М.: АСТ-ЛЮКС, 2005. – 384 с.
45. Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля. Ленинград, 1950-1960-е годы / Наталья Лебина. – СПб.: Крига: Победа, 2015. – 484 с.
46. Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти / Альф Людтке ; [отв. ред. и авт. вводной ст. С. В. Журавлев ; пер. с англ. и нем. К. А. Левинсона и др.]; Германский ист. ин-т в Москве. – М.: РОССПЭН, 2010. – 268 с.
47. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. – М., 1999. – С. 77-100.
48. Медведев Р.А. Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи / Рой Медведев. – М.: АСТ Электросталь, 2010. – 637 с.
49. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология власти. – 2010. – №4. – С. 213-220.
50. Немцов А.В. Потребление алкоголя и смертность в России // Социологические исследования. – 1997. – № 9. – С. 113-116.
51. Нестеренко П.Л. Основные направления, ход и первые итоги антиалкогольной кампании в Томске и Томской области (1985 г.) // Вестник ТГПУ. – 2014. – №3 (144). – С. 44-52.
52. Нестеренко П.Л. Борьба с пьянством и алкоголизмом в Томске (1985-1988 гг.): успехи и неудачи // Вестник ТГПУ. – 2015. – №2 (155). – С. 62-71.
53. Нестеренко П.Л. Лечебно-профилактическая и информационно-просветительская работа томских медиков накануне и в начале антиалкогольной кампании 1985 года // Вестник ТГПУ. – 2016. – №5 (170). – С. 175-182.
54. О'Махоуни М. Спорт в СССР: физическая культура - визуальная культура / Майк О'Махоуни; [пер. с англ. Е. Ляминой, А. Фишман]. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 293 с.
55. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991 / Р. Г. Пихоя. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 678 с.

56. После Сталина: позднесоветская субъективность (1953-1985): сборник статей / под ред. А. Пинского. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2018. – 454 с.
57. Похлебкин В.В. История водки / Вильям Похлебкин. – М.: Центрполиграф, 2005. – 160 с.
58. Рис Н. Русские разговоры: культура и речевая повседневность эпохи перестройки: [пер. с англ.] / Нэнси Рис. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 358 с.
59. Романов П., Суворова М. «Чистая фарца»: социальный опыт взаимодействия советского государства и спекулянтов // Неформальная экономика в пост- советском пространстве: проблемы исследования и регулирования / Под ред. И. Олимпиаевой и О. Паченкова. – СПб.: ЦНСИ, 2003. С. 148-164.
60. Серто М. д. Изобретение повседневности. [Т.] 1 / Мишель де Серто; [пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной; науч. ред. К. Ермошина]; Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2013. – 328 с.
61. Такала И.В. Веселие Руси: история алкогольной проблемы в России. / И.В. Такала. – СПб.: Нева, 2002. – 335 с.
62. Тёрнер В. Символ и ритуал: [пер. с англ.] / В. Тэрнер; вступ. ст. В. А. Бейлиса; Акад. наук СССР. – М.: Наука, 1982. – 277 с.
63. Томская область: Исторический очерк / Н. М. Дмитриенко, Е. А. Васильев, Л. М. Плетнева и др.; Под ред. В. П. Зиновьева; Том. гос. ун-т, Проблемная науч. - исслед. лаб. ист., археол. и этногр. – Томск: Издательство Томского университета, 1994. – 656 с.
64. Уль К. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: роль молодежи во время «оттепели // Антропологический форум. – 2011. – № 15. – С. 279–326.
65. Фокин А.А. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками" и антиалкогольная кампания 1960-х годов // *Magistra vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – Челябинск: Изд-во ЧГУ, – 2014. – С. 109-115.
66. Хейзинга Й. Человек играющий: опыт определения игрового элемента культуры / Йохан Хейзинга ; сост., предисл. и пер. Д. В. Сильвестрова ; коммент. и указ. Д. Э. Харитоновича. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. – 409 с.

67. Шубин А. В. От "застоя" к реформам. СССР в 1917-1985 гг. / А. В. Шубин. – М.: РОССПЭН, 2001. – 766 с.
68. Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение: [пер. с англ.] / Алексей Юрчак; [предисл. А. Беляева]. – 3-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 664 с.
69. Bhattacharya J, Gathmann C., Miller G. The Gorbachev Anti-Alcohol Campaign and Russia's Mortality Crisis [Electronic Resource] // American Economic Journal: Applied Economics, 2013. – № 2. – P. 232-260. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3818525/> (Access Date: 24.03.19).
70. Mc Kee M. Alcohol in Russia // Alcohol and Alcoholism, 1999. – № 6. – P. 824–829.
71. Raikhel, E. Governing habits: treating alcoholism in the post-Soviet clinic / Eugene Raikhel. – Ithaca: Cornell University Press, 2016. – 246 p.
72. White, S. Russia Goes Dry: Alcohol, State and Society. – New York: Cambridge University, 1996. – 266 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Расшифрованные интервью с участниками исследования

1. Интервью с Виктором – преподавателем Томского государственного университета (1958 г.р.).

- Здравствуйте! Скажите, можете ли Вы назвать себя пьющим человеком? Какое место занимало в Вашей жизни потребление алкоголя?

Конечно, я был пьющим человеком и остаюсь таким же. Но я бы сказал, что в сравнении с многими своими сверстниками, я просто по своим физическим параметрам пил меньше, мне было меньше надо. Ну а так, конечно, моё поколение пило больше, и, особенно, много мы пили в студенчестве. То, что мы пили, оглядываясь назад, я могу сказать, что это было ужасно, человеку такое пить не следует. Тем не менее, мы всё это пили в самых разных сочетаниях, самых разных вариантах. Оглядываясь на своё поколение, могу сказать, что многие ушли из жизни слишком рано, ровно потому что как раз много себе позволяли.

- Спасибо, очень интересно. Правда ли, что в университетской среде сильна традиция «обмытия» защит, диссертаций и т.д.?

Конечно. Хотя защита дипломных происходит на кафедре вместе со студентами и преподавателями, там обычно стояло шампанское, вино, без излишеств. Правда после того, как уходили с кафедры, естественно, очень часто это дело продолжали. То, что касается защиты диссертаций, то, конечно, банкет после защиты диссертации – это святое, и учёный совет очень на него рассчитывал, и, человек который защищается знает, что недостатка в спиртном быть не должно. Так было, и даже больше того, в годы антиалкогольной кампании, по моим наблюдениям, традиция была сильнее. Опасались, конечно, санкций, но всё-таки пытались что-то придумывать, чтобы отметить. В той среде, которую я знал, вполне определённо люди были абсолютно не готовы следовать указаниям партии, и эти указания рассматривались как ещё одна дурацкая кампания, которой по мере сил надо было противостоять. Например, когда мы выезжали на сенокос, где потреблять демонстративно было нельзя, люди наливали в чайники и всё равно продолжали употреблять.

- Насколько сильно студенты и преподаватели боялись быть уличёнными в потреблении спиртного в те годы?

Особенно и не скрывались, потому что была какая-то ирония по отношению к этому, как к очередной затее, которая провалится. Поэтому, я не могу сказать, что этого сильно боялись. Да, нескольких студентов отчислили. Отлично помню, как их исключали из комсомола и это была достаточно драматичная и конфликтная история, некоторые

преподаватели за них пытались заступаться, но их всё равно исключили. Но большого страха не было. Привычку административными способами не переломишь. Традиция никуда не делась. Мешали не столько страх, сколько реальные ограничения, спиртное стало трудно доставать, но в этом были дополнительный драйв и интерес, для того, чтобы потом похвалиться тем, что достал, либо что-то выгнать особенное, брагу какую-нибудь. В общем, народ развлекался как мог.

- А как Вы лично восприняли то, что новое руководство страны начало антиалкогольную кампанию?

В ту пору у меня в силу уже сложившегося негативного отношения к государству, любая государственная затея, чего-бы это государство не удумало, даже если это было в теории что-то очень хорошее, я к этому относился плохо. Трудно было к этому отнестись равнодушно, потому что это затрагивало твой непосредственный быт, твои привычки. Учитывая общие обстоятельства, в которых мы в ту пору жили, они все были дефицитные, всё было дефицитным. Тут ещё в результате государственных санкций увеличились очереди, ты тратил время, и это, конечно, дополнительно подбешивало. А вообще была обстановка «общей судьбы». Это – очередь за спиртным, в которой какой-нибудь кандидат или доктор стоял с обычным работягой, и оба они, особо не чинясь, высказывались на эту тему достаточно откровенно. И эта общая судьба заканчивалась в тот момент, когда открывались двери магазина, когда очередь ломалась и все становились каждый за себя.

2. Интервью с художником-оформителем Вячеславом (1966 г.р.)

- Добрый вечер, спасибо, что согласились на интервью. Скажите, можете ли Вы назвать себя пьющим человеком в юношеские годы?

Была другая градация – «выпивающий», а это уже совсем другое. Выпивали не каждый день, а так, если день рождения у кого-то или просто какая-то вечеринка, то есть пьющим меня никак нельзя было назвать. Было нужно какое-то событие. Не могу сказать, с какой периодичностью мы выпивали, потому что не было такого.

Спиртное могло использоваться в других целях. Допустим, частники на машинах, у которых практически всегда была бутылка водки в бардачке, если ты сломался или где-то застрял в сугробе, то всегда рассчитывались именно этим. Такая заначка лежала потому что некоторым деньги были не нужны, а за пузырь водки могли ли из сугроба вытащить, да и те же сантехники тоже деньги скорее не возьмут, они им не нужны. Если ты слесаря вызвал, то заранее можешь готовить бутылку водки, чтобы рассчитаться.

- Как Вы думаете, сегодняшнее пьянство сильнее советского?

Я бы не сказал, что пьянство было сильнее, чем сейчас, по-моему пили примерно также, но точно также молодёжь, если пьёт, то на какой-нибудь тусовке. Люди постарше пили конечно регулярнее.

- А как Вы лично отнеслись к введению антиалкогольных мер в годы перестройки?

Для нас, молодых пацанов, мне было 20 лет, это было скорее как приключение, уже не пойдёшь в магазин и купил водки как сейчас. Тогда были битвы у магазинов, дикие толпы, по головам ходили натурально. Толпа стояла так плотно, что когда счастливчик уже отоваривался, назад выйти не мог, потому что шёл по плечам и головам. Когда 300 человек стоит в очереди, не 10-15, а 300, то обязательно встретишь знакомых. Например, самой уважаемой личностью был капитан милиции, здоровый мужик, вот он в очереди пользовался всеобщим авторитетом и уважением, потому что разруливал эту очередь: 10 человек запустить, 10 выпустить. Такая толпа смела бы, если бы у него не было бы такого авторитета, а так он в одиночку справлялся. Вообще водка-то была, когда в магазин заходишь там и водка, и портвейн-«Бормотуха», просто давали по норме «две бутылки в одни руки».

- Спасибо, это очень интересно. Можете ли Вы вспомнить какие-нибудь нестандартные случаи, связанные с покупкой, употреблением спиртных напитков, которые происходили с Вами в эти года?

Да, есть один случай. Была знакомая девочка в пединституте, куда мы ходили к девчонкам. Она просто знакомая. Увидела в салоне для молодожёнов туфли, чешского производства, по тем временам это была шикарная обувь. Ну и загорелась, а у меня родилась комбинация, раз эти туфли дают только молодожёнам, то нужно пойти и подать заявление. Просто она сама спрашивала, как купить эти туфли, а ей говорят, что только молодожёнам. Ну и говорю: «Пошли в ЗАГС». Ну и пошли. Правда там ещё надо было пройти курсы и невесты, вечерние, недели на две. Она то на занятиях была, а я сторожем работал с пяти вечера, ну там такая была формальность, никто даже не возражал, что мы не могли туда ходить. Просто пришлось подождать: заявление подали, потом какая-то волокита и через неделю что ли нам выдали талоны. Одни талоны были в обувной салон, а другие в вино-водочный, да и на продукты какие-то. Мы их конечно тут же отоварили. Главное, что дали два ящика водки и ящик вина болгарского. Да, были безалкогольные свадьбы, но они обычно проводились как образцово-показательные, комсомольские. То есть запрета не распитие на свадьбе не было.

- Очень интересная история! А что Вы делали с доставшейся водкой?

Водку можно было выгодно продать, покупал я её за 3.62. Один ящик мы всё-таки выпили. Сразу столько гостей стало заходить, мы в своей квартире жили с младшим братом

вдвоём, к нам теперь на «огонёк» заглядывал народ. А остальной ящик я просто продал с наваром, потому что был знакомый товарищ с машиной, ну а когда кому-то вечером душа просит водки, то шли как раз к таксисту. Но покупали уже за 25 рублей. То есть навар приличный был. За ящик водки я получил 500 рублей. А зарплата у меня была 153 рубля с копейками. Получается, я получил три месячных зарплаты недели за полторы. Вообще у любого таксиста была водка, правда у них чаще всего палёнка была. Мы потом с этим же таксистом начали покупать палёную водку у перекупщиков.

Отчет о проверке на заимствования №1

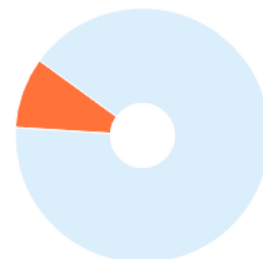
Автор: Герасимов Макс gerasim.maks@mail.ru / ID: 5637699
Проверяющий: Герасимов Макс (gerasim.maks@mail.ru / ID: 5637699)
 Отчет предоставлен сервисом «Антиплагиат»- <http://users.antiplagiat.ru>

ИНФОРМАЦИЯ О ДОКУМЕНТЕ

№ документа: 4
 Начало загрузки: 11.06.2019 10:41:11
 Длительность загрузки: 00:00:04
 Имя исходного файла: ВКР_Герасимов_ред
 Размер текста: 199 кБ
 Символов в тексте: 200661
 Слов в тексте: 24750
 Число предложений: 2484

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТЧЕТЕ

Последний готовый отчет (ред.)
 Начало проверки: 11.06.2019 10:41:16
 Длительность проверки: 00:00:06
 Комментарии: не указано
 Модули поиска: Модуль поиска Интернет

ЗАИМСТВОВАНИЯ	ЦИТИРОВАНИЯ	ОРИГИНАЛЬНОСТЬ
8,93%	0%	91,07%

Заимствования — доля всех найденных текстовых пересечений, за исключением тех, которые система отнесла к цитированиям, по отношению к общему объему документа.
 Цитирования — доля текстовых пересечений, которые не являются авторскими, но система посчитала их использование корректным, по отношению к общему объему документа. Сюда относятся оформленные по ГОСТу цитаты; общепотребительные выражения; фрагменты текста, найденные в источниках из коллекций нормативно-правовой документации.

Текстовое пересечение — фрагмент текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника.

Источник — документ, проиндексированный в системе и содержащийся в модуле поиска, по которому проводится проверка.

Оригинальность — доля фрагментов текста проверяемого документа, не обнаруженных ни в одном источнике, по которым шла проверка, по отношению к общему объему документа.

Заимствования, цитирования и оригинальность являются отдельными показателями и в сумме дают 100%, что соответствует всему тексту проверяемого документа.

Обращаем Ваше внимание, что система находит текстовые пересечения проверяемого документа с проиндексированными в системе текстовыми источниками. При этом система является вспомогательным инструментом, определение корректности и правомерности заимствований или цитирований, а также авторства текстовых фрагментов проверяемого документа остается в компетенции проверяющего.

№	Доля в отчете	Доля в тексте	Источник	Ссылка	Актуален на	Модуль поиска	Блоков в отчете	Блоков в тексте
[01]	0,84%	1,3%	https://esu.citis.ru/dissertatio...	https://esu.citis.ru	21 Мар 2018	Модуль поиска Интернет	21	36
[02]	1,14%	1,14%	(PDF, 937 КБ)	https://hse.ru	23 Ноя 2017	Модуль поиска Интернет	28	28
[03]	0,66%	1,02%	http://vestnik.tspu.edu.ru/file...	http://vestnik.tspu.edu.ru	13 Ноя 2016	Модуль поиска Интернет	14	24

Еще источников: 17
 Еще заимствований: 6,3%